

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ
СТІХОТВОРЕНІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

10K, Aleksandr Aleksandrovich
B4825 /
/ АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ /

СТИХОТВОРЕНІЯ

Stikhotvoreniya

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1907—1916)

кн. 3
★

СТРАШНЫЙ МІРЪ — ВОЗМЕЗДІЕ — ЯМБЫ —
ИТАЛЬЯНСКІЕ СТИХИ — РАЗНЫЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ — АРФЫ И СКРИПКИ — КАРМЕНЬ —
СОЛОВЬИНЫЙ САДЪ — РОДИНА —
О ЧЕМЪ ПОЕТЪ ВЪТЕРЬ

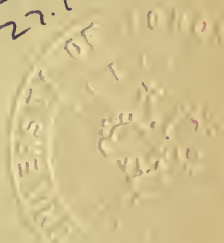
★

1 9 2 2

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

551503
27.10.52

СТРАШНЫЙ МІРЪ

(1909 — 1916)

КЪ МУЗЪ

Есть въ напѣвахъ твоихъ сокровенныхъ
Роковая о гибели вѣсть.
Есть проклятье завѣтовъ священныхъ,
Поруганіе счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готовъ я твердить за молвой,
Будто ангеловъ ты низводила,
Соблазняя своей красотой . . .

И когда ты смѣешься надъ вѣрой,
Надъ тобой загорается вдругъ
Тотъ неяркій, пурпурово-сѣрый
И когда-то мной видѣнный кругъ.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорить:
Для иныхъ ты и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и адъ.

Я не знаю, зачѣмъ на разсвѣтѣ,
Въ часъ, когда уже не было силъ,
Не погибъ я, но ликъ твой замѣтилъ
И твоихъ утѣшеній просилъ?

Я хотѣлъ, чтобъ мы были врагами,
Такъ за что жъ подарила мнѣ ты
Лугъ съ цвѣтами и твердь со звѣздами —
Все проклятье своей красоты?

И коварнѣе сѣверной ночи,
И хмельнѣй золотого Аи,
И любви цыганской короче
Были страшныя ласки твои . . .

И была роковая отрада
Въ попираньи завѣтныхъ святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, какъ полынь!

1912

✱

Подъ шумъ и звонъ однообразный,
Подъ городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
Въ метель, во мракъ и въ пустоту.

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что и какъ . . .
Кругомъ — снѣга, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мракъ.

Что, если я, замороженный,
Сознанья оборвавшій нить,
Вернусь домой уничиженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цѣли
Путеводительный маякъ,
Простишь ли мнѣ мои метели,
Мой бредъ, поэзію и мракъ?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
Отъ родины не увела?

*

Въ эти желтые дни межъ домами
Мы встрѣчаемся только на мигъ.
Ты меня обжигашь глазами
И скрываешься въ темный тупикъ

Но очей молчаливыхъ пожаромъ
Ты не даромъ меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно не даромъ
Предъ тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимнія бросать, быть можетъ,
Насъ въ безумный и дьявольскій балъ,
И меня, наконецъ, уничтожить
Твой разящій, твой взоръ, твой кинжалъ!

✱

Изъ хрустального тумана,
Изъ невиданнаго сна
Чей-то образъ, чей-то странный . . .
(Въ кабинетъ ресторана
За бутылкою вина).

Визгъ цыганскаго напѣва
Налетѣлъ изъ дальнихъ залъ,
Дальнихъ скрипокъ вопль туманный . . .
Входитъ вѣтеръ, входитъ дѣва
Въ глубь исчерченныхъ зеркалъ.

Взоръ во взоръ — и жгуче-синій
Обозначился просторъ.
Магдалина! Магдалина!
Вѣтъ вѣтеръ изъ пустыни,
Раздувающій костеръ.

Узкій твой бокаль и вьюга
За глухимъ стекломъ окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцемъ юга
Опаленная страна!

Разрѣшенъе всѣхъ мученій,
Всѣхъ хуленій и похвалъ,
Всѣхъ змѣящихся улыбокъ,
Всѣхъ просительныхъ движеній, —
Жизнь разбей, какъ мой бокаль!

Чтобъ на ложѣ долгой ночи
Не хватило страстныхъ силъ!
Чтобъ въ пустынномъ воплѣ скрипокъ
Перепуганныя очи
Смертный сумракъ погасилъ.

*

ДВОЙНИКЪ

Однажды въ октябрьскомъ туманѣ
Я брелъ, вспоминая напѣвъ.
(О, мигъ непродажныхъ лобзаній!
О, ласки некупленныхъ дѣвъ!)
И вотъ, въ непроглядномъ туманѣ
Возникъ позабытый напѣвъ.

И стала мнѣ молодость сниться,
И ты, какъ живая, и ты . . .
И сталъ я мечтой уноситься
Отъ вѣтра, дождя, темноты . . .
(Такъ ранняя молодость снится,
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдругъ вижу, — изъ ночи туманной,
Шатаясь подходитъ ко мнѣ
Старѣющій юноша (странно,
Не снился ли мнѣ онъ во снѣ?)
Выходить изъ ночи туманной
И прямо подходитъ ко мнѣ.

И шепчетъ: «Усталъ я шататься,
Промозглымъ туманомъ дышать,
Въ чужихъ зеркалахъ отражаться

И женщинъ чужихъ цѣловать . . .»
И стало мнѣ страннымъ казаться,
Что я его встрѣчу опять . . .

Вдругъ — онъ улыбнулся нахально, —
И нѣтъ близъ меня никого . . .
Знакомъ этотъ образъ печальный,
И гдѣ-то я видѣлъ его . . .
Быть мсжетъ себя самого
Я встрѣтилъ на глади зеркальной?

✱

ПѢСНЬ АДА

День догорѣлъ на сферѣ той земли,
Гдѣ я искалъ путей и дней короче.
Тамъ сумерки лиловыя легли.

Меня тамъ нѣтъ. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступомъ скользкихъ скалъ.
Знакомый Адъ глядитъ въ пустыя очи.

Я на землѣ былъ брошенъ въ яркій балъ,
И въ дикомъ танцѣ масокъ и обличій
Забылъ любовь и дружбу потерялъ.

Гдѣ спутникъ мой? — О, гдѣ ты, Беатриче? —
Иду одинъ, утративъ правый путь,
Въ кругахъ подземныхъ, какъ велитъ обычай,

Средь ужасовъ и мраковъ потонуть.
Потокъ несетъ друзей и женщинъ трупы,
Кой-гдѣ мелькнетъ молящій взоръ, иль грудь,

Пощады вопль, иль возгласъ нѣжный — скупю
Сорвется съ устъ; здѣсь умерли слова;
Здѣсь стянута бессмысленно и тупо

Кольцомъ желѣзной боли голова;
И я, который пѣлъ когда-то нѣжно, —
Отверженецъ, утратившій права!

Всѣ къ пропасти стремятся безнадежной,
И я вослѣдъ. Но вотъ, въ прорывѣ скаль,
Надъ пѣною потока бѣлоснѣжной,

Передо мною безконечный залъ.
Сѣтъ кактусовъ и розъ благоуханье,
Обрывки мрака въ глубинѣ зеркаль;

Далекихъ утръ неясное мерцанье
Чуть золотить поверженный кумиръ;
И душное спирается дыханье.

Мнѣ этотъ залъ напомнилъ страшный міръ,
Гдѣ я бродилъ слѣпой, какъ въ дикой сказкѣ,
И гдѣ застигъ меня послѣдній пиръ.

Тамъ — брошены зіяющія маски;
Тамъ — старцемъ соблазненная жена,
И наглый свѣтъ засталъ ихъ въ мерзкой ласкѣ . . .

Но заалѣлся переплетъ окна
Подъ утреннимъ холоднымъ поцѣлуемъ,
И странно розовѣетъ тишина.

Въ сей часъ въ странѣ блаженной мы ночуемъ,
Лишь здѣсь безсиленъ нашъ земной обманъ,
И я смотрю, предчувствіемъ волнуемъ,

Въ глубь зеркала сквозь утренній туманъ.
Навстрѣчу мнѣ, изъ паутины мрака
Выходитъ юноша. Затянуть станъ;

Увядшей розы цвѣтъ въ петлицѣ фрака
Блѣднѣе устъ на ликѣ мертвеца;
На пальцѣ — знакъ таинственного брака —

Сіяетъ острый аметистъ кольца;
И я смотрю съ волненьемъ непонятнымъ
Въ черты его отцвѣтшаго лица

И вопрошаю голосомъ чуть внятнымъ:
— Скажи, за что томиться долженъ ты
И по кругамъ скитаться невозвратнымъ? —

Пришли въ смятеніе тонкія черты,
Сожженный ротъ глотаешь воздухъ жадно,
И голосъ говорить изъ пустоты:

— Узнай: я преданъ мукѣ беспощадной
За то, что былъ на горестной землѣ
Подъ тяжкимъ игомъ страсти безотрадной.

Едва нашъ городъ скроется во мглѣ, —
Томимъ волной безумнаго напѣва,
Съ печатью преступленья на челѣ,

Какъ падшая униженная дѣва,
Ищу забвенья въ радостяхъ вина . . .
И пробилъ часъ карающаго гнѣва:

Изъ глубины невиданнаго сна
Всплеснулась, ослѣпила, засіяла
Передо мной — чудесная жена!

Въ вечернемъ звонѣ хрупкаго бокала,
Въ туманѣ хмельномъ встрѣтившись на мигъ
Съ единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постигъ!
Я утопилъ въ ея зеницахъ взоры!
Я испустилъ впервые страстный крикъ!

Такъ этотъ мигъ насталь, нежданно скорый.
И мракъ былъ глухъ. И долгій вечеръ мгlistь.
И странно встали въ небѣ метеоры.

И былъ въ крови вотъ этотъ аметистъ.
И пилъ я кровь изъ плечъ благоуханныхъ
И былъ напитокъ душень и смолистъ . . .

Но не кляни повѣствованій странныхъ
О томъ, какъ длился непонятный сонъ . . .
Изъ безднъ ночныхъ и пропастей туманныхъ

Къ намъ доносился погребальный звонъ;
Языкъ огня взлетѣлъ, свистя, надъ нами,
Чтобъ сжечь ненужность прерванныхъ временъ!

И — сомкнутыхъ безмѣрными цѣпиями —
Насъ нѣкій вихрь увлекъ въ подземный міръ!
Окованной на вѣкъ глухими снами

Дано ей чуютъ боль и помнить пиръ,
Когда, что ночь, къ плечамъ ея атласнымъ
Тоскующій склоняется вампиръ!

Но мой удѣлъ — могу ль не звать ужаснымъ?
Едва холодный и больной разсвѣтъ
Исполнить Адъ сіяньемъ безучастнымъ,

Изъ зала въ залъ иду свершать завѣтъ,
Гонимъ тоскою страсти безначальной, —
Такъ сострадай и помни, мой поэтъ:

Я обреченъ въ далекомъ мракѣ спальни,
Гдѣ спитъ она и дышитъ горячо,
Склонясь надъ ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень въ бѣлое плечо!

×

Поздней осенью изъ гавани
Отъ замеченной снѣгомъ земли
Въ предназначенное плаванье
Идутъ тяжелые корабли.

Въ черномъ небѣ означается
Надъ водой подъемный кранъ,
И одинъ фонарь качается
На оснѣженномъ берегу.

И матросъ, на бортъ не принятый,
Идетъ, шатаясь, сквозь буранъ.
Все потеряно, все выпито!
Довольно — больше не могу . . .

А берегъ опустѣлой гавани
Ужъ первый легкій снѣгъ занесъ . . .
Въ самомъ чистомъ, въ самомъ нѣжномъ савапѣ
Сладко ли спать тебѣ, матросъ?

✱

НА ОСТРОВАХЪ

Вновь оснѣженные колонны,
Елагинъ мостъ и два огня.
И голосъ женщины влюбленный.
И хрусть песка и храпъ коня.

Двѣ тѣни, слитыхъ въ поцѣлуѣ,
Летятъ у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я съ этой новой — съ плѣнной — съ ней.

Да, есть печальная улада
Въ томъ, что любовь пройдетъ, какъ снѣгъ.
О, развѣ, развѣ клясться надо
Въ старинной вѣрности навѣкъ?

Нѣтъ, я не первую ласкаю
И въ строгой четкости моей
Уже въ покорность не играю
И царствъ не требую у ней.

Нѣтъ, съ постоянствомъ геометра
Я числю каждый разъ безъ словъ
Мосты, часовню, рѣзкость вѣтра,
Безлюдность низкихъ острововъ.

Я чту обрядъ: легко заправить
Медвѣжьёю полость на лету,
И, тонкій станъ обнявъ, лукавить,
И мчаться въ снѣгъ и темноту,

И помнить узкія ботинки,
Влюбляясь въ хладные мѣха . . .
Вѣдь грудь моя на поединкѣ
Не встрѣтитъ шпаги жениха . . .

Вѣдь со свѣчей въ тревогѣ давней
Ее не ждетъ у двери мать . . .
Вѣдь бѣдный мужъ за плотной ставней
Ее не станетъ ревновать . . .

Чѣмъ ночь прошедшая сіяла,
Чѣмъ настоящая зоветъ,
Все только — продолженъ бала,
Изъ свѣта въ сумракъ переходъ . . .

*

Съ мирнымъ счастьемъ покончены счеты,
Не дразни, запоздалый уютъ.
Всюду эти щемящія ноты
Стерегутъ и въ пустыню зовутъ.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я въ это повѣрилъ съ тѣхъ поръ,
Какъ пропѣлъ мнѣ сиреной влюбленной
Тотъ, сквозь ночь пролетѣвшій моторъ . . .

✱

Сѣдя сумерки легли
Весной на городъ блѣдный.
Автомобиль пропѣлъ вдали
Въ рожокъ побѣдный.

Глядись сквозь блѣдное окно,
Къ стеклу прижавшись плотно . . .
Глядись. Ты измѣнилъ давно,
Безповоротно.

✱

Духъ прѣный марта былъ въ лунномъ кругѣ,
Подъ талымъ снѣгомъ хрустѣлъ песокъ.
Мой городъ истаялъ въ мокрой вьюгѣ,
Рыдалъ, влюбленный, у чьихъ-то ногъ.

Ты прижималась все суевѣрнѣй,
И мнѣ казалось — сквозь храпъ коня —
Венгерскій танецъ въ небесной черни
Звенить и плачетъ, дразня меня.

А шалый вѣтеръ, носясь надъ далью, —
Хотѣлъ онъ выжечь душу мнѣ,
Въ лицо швыряя твоей вуалью
И запѣвая о старинѣ . . .

И вдругъ — ты, дальняя, чужая,
Сказала съ молніей въ глазахъ:
То душа, на послѣдній путь вступаю,
Безумно плачетъ о прошлыхъ снахъ.

Часовня на Крестовскомъ островѣ

*

ВЪ РЕСТОРАНѢ

Никогда не забуду (онъ былъ, или не былъ,
Этотъ вечеръ): пожаромъ зари
Сожжено и раздвинуто блѣдное небо,
И на желтой зарѣ — фонари.

Я сидѣлъ у окна въ переполненномъ залѣ.
Гдѣ-то пѣли смычки о любви.
Я послалъ тебѣ черную розу въ бокалъ
Золотого, какъ небо, Аи.

Ты взглянула. Я встрѣтилъ смущенно и дерзко
Взоръ надменный и отдалъ поклонъ.
Обратясь къ кавалеру, намѣренно рѣзко
Ты сказала: И этотъ влюбленъ

И сейчасъ же въ отвѣтъ что-то грянули струны,
Иступленно запѣли смычки . . .
Но была ты со мной всѣмъ презрѣніемъ юнымъ,
Чуть замѣтнымъ дрожаньемъ руки . . .

Ты рванулась движеньемъ испуганной птицы,
Ты прошла, словно сонъ мой легка . . .
И вздохнули духи, задремали рѣсницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но изъ глуби зеркалъ ты мнѣ взоры бросала
И, бросая, кричала: — Лови! . .
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала зарѣ о любви.

*

ДЕМОНЪ

Прижмись ко мнѣ крѣпче и ближе,
Не жилъ я — блуждалъ средь чужихъ . . .
О, сонъ мой! Я новое вижу
Въ бреду поцѣлуевъ твоихъ!

Въ томленьи твоємъ изступленномъ
Тоска небывалой весны
Горить мнѣ лучомъ отдаленнымъ
И тянется пѣсней зурны.

На дымно-лиловыя горы
Принесъ я на лучъ и на звукъ
Усталые губы и взоры
И плети изломанныхъ рукъ.

И въ горномъ закатномъ пожарѣ,
Въ разливахъ синѣющихъ крылъ,
Съ тобою, съ мечтой о Тамарѣ,
Я, горній, навѣки безъ силъ . . .

И снится — въ далекомъ аулѣ,
У склона безсмертной горы,
Тоскливо къ намъ въ небо плеснули
Ненужныя складки чадры . . .

Тамъ стелется въ пляскѣ и плачетъ,
Пыль вьется и стонетъ зурна . . .
Пусть, скачетъ женихъ — не доскачетъ!
Чеченская пуля вѣрна.

Тамъ человекъ сгорѣлъ

Фетъ

Какъ тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшимъ,
И объ игрѣ трагической страстей
Повѣствовать еще нежившимъ.

И, вглядываясь въ свой ночной кошмаръ,
Строй находить въ нестройномъ вихрѣ чувства,
Чтобы по блѣднымъ заревамъ искусства
Узнали жизни гибельной пожаръ!

×

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тотъ — необъятною рукою
Покрывшій зеркало — стоитъ? . . .

Блеснетъ въ глаза зеркальный свѣтъ,
И въ ужасѣ, зажмура очи,
Я отступлю въ ту область ночи,
Откуда возвращенья нѣтъ . . .

*

Идутъ часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сонъ,
Взглянуть въ лицо людей, природы,
Разсѣять сумерки время . . .

Тамъ кто-то машеть, дразнить свѣтомъ
(Такъ зимней ночью, на крыльцо
Тѣнь чья-то глянетъ силуэтомъ,
И быстро спрячется лицо).

Вотъ мечъ. Онъ былъ. Но онъ — не нуженъ.
Кто обезсилилъ руку мнѣ? —
Я помню: мелкій рядъ жемчужинъ
Однажды ночью, при лунѣ,

Больная, жалобная стужа,
И моря снѣговая гладь . . .
Изъ-подъ рѣсницъ сверкнувшій ужасъ —
Старинный ужасъ (дай понять) . . .

Слова? — Ихъ не было. — Что жъ было? —
Ни сонъ, ни явь. Вдали, вдали
Звенѣло, гасло, уходило
И отдѣлялось отъ земли . . .

И умерло. А губы пѣли.
Прошли часы, или года . . .
(Лишь телеграфные звенѣли
На черномъ небѣ провода . . .)

И вдругъ (какъ памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голодъ: Ессе homo! —
Мечъ выпалъ. Дрогнула рука . . .

И перевязанъ шелкомъ душнымъ
(Чтобъ кровь не шла изъ черныхъ жилъ)
Я былъ веселымъ и послушнымъ,
Обезоруженный — служилъ.

Но часъ насталъ. Припоминая,
Я вспомнилъ: *нѣтъ, я не слуга.*
Такъ падай, перевязь цвѣтная!
Хлынь, кровь, и обagri снѣга!

1910

*

УНИЖЕНІЕ

Въ черныхъ сучьяхъ деревь обнаженныхъ
Желтый зимній закатъ за окномъ.
(Къ эшафоту на казнь осужденныхъ
Поведуть на закатъ такомъ).

Красный штофъ полинялыхъ дивановъ,
Пропыленные кисти портьеръ . . .
Въ этой комнатѣ, въ звонѣ стакановъ,
Купчикъ, шулеръ, студентъ, офицеръ . . .

Этихъ голыхъ рисунковъ журнала
Не людская касалась рука . . .
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка . . .

Чу! По мягкимъ коврамъ прозвенѣли
Шпоры, смѣхъ, заглушенный дверьми . . .
Развѣ домъ этотъ — домъ въ самомъ дѣлѣ?
Развѣ *такъ* суждено межъ людьми?

Развѣ радъ я сегодняшней встрѣчѣ?
Что ты ликомъ бѣла, словно платъ?
Что въ твои обнаженные плечи
Бьетъ огромный холодный закатъ?

Только губы съ запекшейся кровью
На иконѣ твоей золотой
(Развѣ *это* мы звали любовью?)
Предомились безумной чертой . . .

Въ желтомъ, зимнемъ, огромномъ закатѣ
Утонула (такъ пышно!) кровать . . .
Еще тѣсно дышать отъ объятій,
Но ты свещешь опять и опять . . .

Онъ не веселъ — твой свистъ замогильный . . .
Чу! опять — бормотаніе шпоръ . . .
Словно змѣй, тяжкій, сытый и пыльный,
Шлейфъ твой съ креселъ ползетъ на коверъ . . .

Ты смѣла! Такъ еще будь безстрашнѣй!
Я — не мужъ, не женихъ твой, не другъ!
Такъ вонзай же, мой ангелъ вчерашній,
Въ сердце — острый французскій каблукъ!

✱

АВІАТОРЪ

Летунъ отпущенъ на свободу.
Качнувъ двѣ лопасти свои,
Какъ чудище морское въ воду,
Скользнулъ въ воздушныя струи.

Его винты поютъ, какъ струны . . .
Смотри: недрогнувшій пилотъ
Къ слѣпому солнцу надъ трибуной
Стремить свой винтовой полетъ . . .

Ужъ въ вышинѣ недостижимой
Сіяетъ двигателя мѣдъ . . .
Тамъ, еле слышный и незримый,
Пропеллеръ продолжаетъ пѣть . . .

Потомъ — напрасно ищетъ око:
На небѣ не найдешь слѣда:
Въ биноклѣ, вскинутомъ высоко,
Лишь воздухъ — ясный, какъ вода . . .

А здѣсь, въ колеблющемся зноѣ,
Въ курящейся надъ лугомъ мглѣ,
Ангары, люди, все земное —
Какъ бы придавлено къ землѣ . . .

Но снова въ золотомъ туманѣ,
Какъ-будто, неземной аккордъ . . .
Онъ близокъ, мигъ рукоплесканій
И жалкій міровой рекордъ!

Все ниже спускъ винтообразный,
Все круче лопастей извивъ,
И вдругъ . . . нелѣпый, безобразный
Въ однообразьи перерывъ . . .

И звѣрь съ умолкшими винтами
Повисъ пугающимъ угломъ . . .
Ищи отцвѣтшими глазами
Опоры въ воздухѣ . . . пустомъ!

Ужъ поздно: на травѣ равнины
Крыла измятая дуга . . .
Въ сплетеніи проводовъ машины
Рука — мертвѣе рычага . . .

Зачѣмъ ты въ небѣ былъ, отважный,
Въ свой первый и послѣдній разъ?
Чтобъ львицѣ свѣтской и продажной
Поднять къ тебѣ фіалки глазъ?

Или восторгъ самозабвенья
Губительный извѣдалъ ты,
Безумно возалкалъ паденья
И самъ остановилъ винты?

Иль отравилъ твой мозгъ несчастный
Грядущихъ войнъ ужасный видъ:
Ночной летунъ, во мглѣ ненастной
Землѣ несущій динамитъ?

1910—1912

*

Моей матери

Повеселясь на буйномъ пирѣ,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродить по квартирѣ,
Храня уютный уголь мой.

Слились всѣ лица, всѣ обиды
Въ одно лицо, въ одно пятно;
И вѣтръ ночной поетъ въ окно
Напѣвы сонной панихиды . . .

Лишь соблазнитель мой не спать;
Онъ льстиво шепчетъ: — Вотъ твой скитъ.
— Забудь о временномъ, о пошломъ
— И въ пѣсняхъ свято лги о прошломъ.

✱

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Какъ тяжело мертвецу среди людей
Живымъ и страстнымъ притворяться!
Но надо, надо въ общество втираться,
Скрывая для карьеры лязгъ костей . . .

Живые спятъ. Мертвецъ встаетъ изъ гроба,
И въ банкъ идетъ, и въ судъ идетъ, въ сенатъ . . .
Чѣмъ ночь бѣлѣе, тѣмъ чернѣе злоба,
И перья торжествующе скрипятъ.

Мертвецъ весь день трудится надъ докладомъ.
Присутствіе кончается. И вотъ —
Нашептываетъ онъ, виляя задомъ,
Сенатору скабресный анекдотъ . . .

Ужъ вечеръ. Мелкій дождь зашлепалъ грязью
Прохожихъ, и дома, и прочій вздоръ . . .
А мертвеца — къ другому безобразью
Скрежещущій несетъ таксомоторъ.

Въ залъ многолюдный и многоколонный
Спѣшитъ мертвецъ. На немъ — изящный фракъ.
Его дарятъ улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супругъ — дуракъ.

Онъ изнемогъ отъ дня чиновной скуки,
Но лягъзъ костей музыкой заглушонъ . . .
Онъ крѣпко жметъ пріятельскія руки —
Живымъ, живымъ казаться долженъ онъ!

Лишь у колонны встрѣтится очами
Съ подругою — она, какъ онъ, мертва.
За ихъ условно-свѣтскими рѣчами
Ты слышишь настоящія слова:

— Усталый другъ, мнѣ странно въ этомъ задѣ.
— Усталый другъ, могила холодна.
— Ужъ полночь. — Да, но вы не приглашали
На вальсъ NN. Она въ васъ влюблена . . .

А тамъ — NN ужъ ищетъ взоромъ страстнымъ
Его, его — съ волненіемъ въ крови . . .
Въ ея лицѣ, дѣвически прекрасномъ,
Безсмысленный восторгъ живой любви . . .

Онъ шепчетъ ей незначашія рѣчи,
Плѣнительныя для живыхъ слова;
И смотритъ онъ, какъ розовѣютъ плечи,
Какъ на плечо склонилась голова . . .

И острый ядъ привычно-свѣтской злости
Съ нездѣшной злостью расточаетъ онъ . . .
— Какъ онъ уменъ! Какъ онъ въ меня влюбленъ!

Въ ея ушахъ — нездѣшній, странный звонъ:
То кости лязгаютъ о кости.

1912

Ночь, улица, фонарь, аптека,
 Безмысленный и тусклый свѣтъ.
 Живи еще хоть четверть вѣка —
 Все будетъ такъ. Исхода нѣтъ.

Умрешь — начнешь опять сначала,
 И повторится все, какъ встарь:
 Ночь, ледяная рябь канала,
 Аптека, улица, фонарь.

Пустая улица. Одинъ огонь въ окнѣ.
 Еврей-аптекарь охаетъ во снѣ.

А передъ шкапомъ съ надписью *Venena*,
 Хозяйственно согнувъ скрипучія колѣна,

Скелеть, до глазъ закутанный плащомъ,
 Чего-то ищетъ, скалясь чернымъ ртомъ . . .

Нашелъ . . . Но ненарокомъ чѣмъ-то звякнулъ,
 И черепъ повернулъ . . . Аптекарь крикнулъ,

Привсталъ, — и на другой свалился бокъ . . .
 А гость межъ тѣмъ — завѣтный пузырекъ

Суеть изъ-подъ плаща двумъ женщинамъ без-
 носымъ

На улицѣ, подъ фонаремъ бѣлесымъ.

Старый, старый сонъ: изъ мрака
 Фонари бѣгутъ — куда?
 Тамъ — лишь черная вода,
 Тамъ — забвенье навсегда.

Тѣнь скользить изъ за угла,
 Къ ней другая подползла.
 Плащъ распахнуть, грудь бѣла,
 Алый цвѣтъ въ петлицѣ фрака.

Тѣнь вторая — стройный латникъ,
 Иль невѣста отъ вѣнца?
 Шлемъ и перья. Нѣтъ лица.
 Неподвижность мертвеца.

Въ воротахъ гремитъ звонокъ,
 Глухо щелкаетъ замокъ.
 Переходятъ за порогъ
 Проститутка и развратникъ . . .

Воетъ вѣтеръ леденящій,
 Пусто, тихо и темно.
 Наверху горитъ окно.
 Все равно.

Какъ свинецъ, черна вода.
 Въ ней — забвенье навсегда.
 Третій призракъ. Ты куда,
 Ты, изъ тѣни въ тѣнь скользящій?

Вновь богатый золь и радъ,
 Вновь унижень бѣдный.
 Съ кровель каменныхъ громадъ
 Смотрить мѣсяцъ блѣдный,

Насылаетъ тишину,
 Оттѣняетъ крутизну
 Каменныхъ отвѣсовъ,
 Черноту навѣсовъ . . .

Все бы это было зря,
 Еслибъ не было царя,
 Чтобъ блюсти законы.

Только не ищи дворца,
 Добродушнаго лица,
 Золотой короны.

Онъ — съ далекихъ пустырей
 Въ свѣтъ рѣдкихъ фонарей
 Появляется.

Шея скручена платкомъ,
 Подъ дырявымъ козырькомъ
 Улыбается.

1911

✱

Міры летять. Года летять. Пустая
Вселенная глядитъ въ насъ мракомъ глазъ.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастіи твердишь, — который разъ?

Что счастіе? Вечернія прохлады
Въ темнѣющемъ саду, въ лѣсной глуши?
Иль мрачныя порочныя услady
Вина, страстей, гибели души?

Что счастіе? Короткій мигъ и тѣсный,
Забвенье, сонъ и отдыхъ отъ заботъ . . .
Очнешься — вновь безумный, неизвѣстный
И за сердце хватающій полетъ . . .

Вздохнулъ, глядишь — опасность миновала . . .
Но въ этотъ самый мигъ — опять толчокъ!
Запущенный куда то, какъ попало,
Летитъ, жужжитъ, торопится волчокъ!

И, уцѣпясь за край скользящій, острый,
И слушая всегда жужжащій звонъ, —
Не сходимъ ли съ ума мы въ смѣнѣ пестрой
Придуманныхъ причинъ, пространствъ, временъ?

Когда жъ конецъ? Назойливому звуку
Не станетъ силъ безъ отдыха внимать . . .
Какъ страшно все! Какъ дико! — Дай мнѣ руку,
Товарищъ, другъ! Забудемся опять.

*

Ночь безъ той, зовутъ кого
Свѣтлымъ именемъ: *Ленора*.

Эдгаръ По

Осенній вечеръ былъ. Подъ звукъ дождя стеклян-
ный
Рѣшалъ все тотъ же я — мучительный вопросъ,
Когда въ мой кабинетъ, огромный и туманный,
Вошелъ тотъ джентльменъ. За нимъ — лохматый
песъ.

На кресло у огня усѣлся гость устало,
И песъ у ногъ его разлежся на коверъ.
Гость вѣжливо сказалъ: «Ужель еще вамъ мало?
«Предъ Геніемъ Судьбы пора смириться, сѣръ».

«Но въ старости — возвратъ и юности, и жара» . . .
Такъ началъ я . . . но онъ настойчиво прервалъ:
«Она — все та жъ: *Линоръ безумнаго Эдгара*.
«Возврата нѣтъ. — Еще? Теперь я все сказалъ».

И странно: жизнь была — восторгомъ, бурей,
адамъ,
А здѣсь — въ вечерній часъ — съ чужимъ
наединѣ —
Подъ этимъ дѣловымъ, давно спокойнымъ
взглядомъ,
Представилась она гораздо проще мнѣ . . .

Тотъ джентльменъ ушелъ. Но песь со мной без-
смѣнно.

Въ часъ горькій на меня уставить добрый взоръ,
И лапу жесткую положить на колѣно,
Какъ будто говорить: *Пора смириться, сѣрь.*

1912

*

Есть игра: осторожно войти,
Чтобъ вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незамѣтно слѣдить.

Какъ бы ни былъ не чутокъ и грубъ
Человѣкъ, за которымъ слѣдятъ, —
Онъ почувствуетъ пристальный взглядъ
Хоть въ углахъ еде дрогнувшихъ губъ.

А другой — точно сразу пойметъ:
Вздогнуть плечи, рука у него;
Обернется — и нѣтъ ничего;
Между тѣмъ — безпокойство растеть.

Тѣмъ и страшенъ невидимый взглядъ,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою слѣдятъ.

Не корысть — не влюбленность, не месть;
Такъ — игра, какъ игра у дѣтей:
И въ собраніи каждомъ людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и самъ иногда не поймешь,
Отчего такъ бываетъ порой,
Что собою ты къ людямъ придешь,
А уйдешь отъ людей — не собой.

Есть дурной и хорошей есть глазъ,
Только лучше бъ ничей не слѣдилъ:
Слишкомъ много есть въ каждомъ изъ насъ
Неизвѣстныхъ, играющихъ силъ . . .

О, тоска! Черезъ тысячу лѣтъ
Мы не сможемъ измѣрить души:
Мы услышимъ полетъ всѣхъ планетъ,
Громовые раскаты въ тиши . . .

А пока — въ неизвѣстномъ живемъ
И не вѣдаемъ силъ мы своихъ,
И, какъ дѣти, играя съ огнемъ,
Обжигаемъ себя и другихъ . . .

✱

Какъ растеть тревога къ ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совѣсть мучить, жизнь хлопочеть.
На луну взглянуть нѣтъ мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то въ мірѣ происходитъ.
Утромъ страшно мнѣ раскрыть
Листъ газетный. Кто-то хочетъ
Появиться, кто-то бродить.
Иль — раздумалъ, можетъ быть?

Гость безсонный, полъ скрипучій?
Ахъ, не все ли мнѣ равно!
Вновь сдружусь съ кабацкой скрипкой,
Монотонной и пѣвучей!
Вновь я буду пить вино!

Все равно, не хватить силы
Дотащиться до конца
Съ трезвой, лживою улыбкой,
За которой — страхъ могилы,
Безпокойство мертвеца.

1913

*

Ну, что же? Устало заломлены слабыя руки,
И вѣчность сама заглядѣлась въ погасшія очи,
И муки утихли. А еслибъ и были высокія муки, —
Что нужды? — Я вижу печальное шествіе ночи.

Вѣдь солнце, положенный кругъ обойдя, закати-
лось.

Открой мои книги: тамъ сказано все, что свер-
шится.

Да, былъ я пророкомъ, пока это сердце молилось,
Молилось и пѣло тебя, но вѣдь ты — не царица.

Царемъ я не буду: ты власти мечты не дѣлила.
Рабомъ я не стану: ты власти земли не хотѣла.
Вотъ новая ноша: пока не откроетъ могила
Сырыя объятія, — тащиться безъ важнаго дѣла.

Но я — человѣкъ. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она все сильнѣе.
То *ревность по дому*, тревогою сердце снѣдая,
Твердитъ неотступно: *Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе.*

★

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ

1

Весь день, какъ день: трудовъ исполненъ малыхъ
И мелочныхъ заботъ.

Ихъ вереница мимо глазъ усталыхъ
Ненужно проплыветъ.

Волнуешься, — а въ глубинѣ покорный:
Не выгорить — и пусть.

На днѣ твоей души, безрадостной и черной,
Безвѣріе и грусть.

И къ вечеру отхлынетъ вереница
Твоихъ дневныхъ заботъ.

Когда-жъ въ морозный мракъ засмотрится столица,
И полночь пропоетъ, —

И радъ бы ты уснуть, но — страшная минута!
Средь всякихъ прочихъ думъ —
Безсмысленность всѣхъ дѣлъ, безрадостность уюта
Придутъ тебѣ на умъ.

И тихая тоска сожметъ такъ нѣжно горло:

Ни охнуть, ни вздохнуть,
Какъ будто, ночь на все проклятіе простерла,
Самъ дьяволъ сѣлъ на грудь!

Ты вскочишь и бѣжишь на улицы глухія,
Но некому помочь:
Куда не повернись, — глядитъ въ глаза пустые
И провожаетъ — ночь.

Тамъ — вѣтеръ надъ тобой на сквознякахъ про-
стонеть

До блѣднаго утра;
Городовой, чтобъ не заснуть, отгонить
Бродягу отъ костра . . .

И, наконецъ, придетъ желанная усталость,
И станетъ все равно . . .
Что? Совѣсть? Правда? Жизнь? Какая это
малость!

Ну, развѣ не смѣшно?

2

Поглядите, вотъ безсильный,
Не умѣвшій жизнь спасти,
И она, какъ духъ могильный,
Тяжко дремлетъ взаперти.

Въ голубомъ морозномъ сводѣ
Такъ приплюснуть дискъ больной,
Заплевавшій все въ природѣ
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпѣлъ, несчастный другъ,
Отъ его тоски невольной,
Отъ его невольныхъ мукъ.

То, что было, миновалось,
Вашъ удѣлъ на всѣ похожъ:
Сердце къ правдѣ порывалось,
Но его сломила ложь.

3

Все свершилось по писаньямъ:
Остудился юный пылъ,
И конецъ очарованьямъ
Постепенно наступилъ.

Былъ въ чаду, не чуя чада,
Утѣшался *мукой ада*,
Перечислилъ всѣ слова,
Но — болѣла голова . . .

Долго, жалобно болѣла,
Тѣло тихо холодѣло,
Пробудился: тридцать лѣтъ,
Хватъ-похватъ, — а сердца нѣтъ.

Сердце — крашенный мертвецъ.
И, когда насталъ конецъ,
Онъ нашелъ весьма банальной
Смерть души своей печальной.

4

Когда невзначай въ воскресенье
Онъ душу свою потерялъ,
Въ сыскное не шелъ отдѣленье,
Свидѣтелей онъ не искалъ.

А было ихъ, впрочемъ, не мало:
Дворовый щенокъ голосилъ,
Въ воротахъ старуха стояла,
И дворникъ на чай попросилъ.

Когда же онъ медленно вышелъ,
Поднявъ воротникъ, изъ воротъ,
Таращилъ сочувственно съ крыши
Глазищи обмызганный котъ.

Ты думаешь, тоже свидѣтель?
Такъ онъ и отвѣтитъ тебѣ!
Въ такой же гульбѣ
Его добродѣтель!

5

Присталъ ко мнѣ нищій дуракъ,
Идетъ по пятамъ, какъ знакомый.
— Гдѣ деньги твои? — Снесъ въ кабакъ.
Гдѣ — сердце? — Закинуто въ омутъ.

— Чего жъ тебѣ надо? — Того,
Чтобъ сталъ ты, какъ я, откровененъ,
Какъ я, въ униженъи, смирененъ,
А больше, мой другъ, ничего.

— Что лѣзешь ты въ сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!
— Ты думаешь, милый, насъ двое?
Напрасно: смотри, оглянись . . .

И правда (ну, задалъ задачу!)
Гляжу — близь меня никого . . .
Въ карманъ посмотрѣлъ — ничего . . .
Взглянулъ въ свое сердце . . . и плачу.

6

День проходилъ, какъ всегда:
Въ сумасшествіи тихомъ.
Все говорили кругомъ
О болѣзняхъ, врачахъ и лѣкарствахъ.
О службѣ рассказывалъ другъ,
Другой о Христѣ,
О газетѣ — четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали
Съ множествомъ рѣмъ и размѣровъ.
Курьестка прислала
Рукопись съ тучей эпитафійъ
(*Изъ Надсона и символистовъ*).
Послѣ — подъ звонъ телефона —
Посыльный конвертъ подавалъ,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на столъ,
Написано было въ запискѣ,
И приходилось ихъ ставить на столъ . . .
Послѣ — собрать по перу,
До глазъ въ бородѣ утонувшій,
О причитаньяхъ у южныхъ хорватовъ
Рассказывалъ долго.
Критикъ, грома *футуризмъ*,
Символизмомъ шпынялъ,

Заклучивъ *реализмомъ*.
Въ кинематографъ вечеромъ
Знатный баронъ цѣловался подъ пальмой
Съ барышней низкаго званья,
Ее до себя возвышая . . .
Все было въ отмѣнномъ порядкѣ.

Онъ съ вечера крѣпко уснулъ
И проснулся въ другой странѣ.
Ни холодъ утра,
Ни слово друга,
Ни дамскія розы,
Ни манифестъ футуриста,
Ни стихи пушкинѣнца,
Ни лай собачій,
Ни грохотъ телѣжный, —
Ничто, ничто
Въ міръ возвратить не могло . . .

И что подѣлаешь, право,
Если отмѣнный порядокъ
Милаго дожняго міра
Въ сны иногда погрузить,
И въ снахъ этихъ многое снится . . .
И не всегда въ нихъ такой,
Какъ въ мірѣ, отмѣнный порядокъ . . .

Нѣтъ, очнешься порой,
Взволнованъ, встревоженъ
Воспоминаніемъ смутнымъ,
Предчувствіемъ тайнымъ . . .
Буйно забьются въ мозгу
Слишкомъ свѣтлыя мысли . . .

И, укрощая ихъ буйство,
Словно пугаясь чего-то, — *не лучше-ль,*
Думаешь ты, *чтобъ и новый*
День проходилъ, какъ всегда:
Въ сумасшествіи тихомъ?

7

Говорятъ ЧЕРТИ:

Грѣши, пока тебя волнуютъ
Твои невинные грѣхи,
Пока красавицу колдуютъ
Твои грѣховные стихи.

На утѣшенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебѣ по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнуть ли дерзостныя очи —
Ты ихъ сверканій не отринь,
Грѣхамъ, вину и страстной ночи
Шепча завѣтное «аминь».

Вѣдь все равно, очарованье
Пройдетъ, и въ сумасшедшій часъ
Ты, въ изступленномъ покаяньи,
Проклясть замыслишь бѣдныхъ, насъ.

И станешь падать — но толпою
Мы всѣ, какъ ангелы, чисты,
Тебя подхватимъ, чтобъ пятою
О камень не преткнулся ты.

Говорить СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И онъ въ тоскѣ обезумѣлъ,
Онъ разучился славить Бога
И пѣсни грѣшныя запѣлъ.

Но, оторопью обуянный,
Онъ прозрѣвалъ, и смутный рой
Былыхъ видѣній, образъ страшный
Его преслѣдовалъ порой.

Но онъ измучился — и ранній
Жаръ юности простылъ — и вотъ
Тщета святыхъ воспоминаній
Предъ нимъ медлительно встаетъ.

Онъ больше ни во что не вѣритъ,
Себя лишь хочетъ обмануть,
А самъ — къ моей блаженной двери
Отыскиваетъ вяло путь.

Съ него довольно славить Бога —
Ужъ онъ — не голосъ, только — стонъ.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается онъ.

✱

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

Въ полъ-оборота ты встала ко мнѣ,
Грудь и рука твоя видится мнѣ.

Мать запрещаетъ тебѣ подходить,
Мнѣ — искушеніе тебя оскорбить!

Нѣтъ, опустилъ я напрасно глаза,
Дышитъ, преслѣдуетъ, близко — гроза . . .

Взоръ мой горитъ у тебя на щекѣ,
Трепетъ бѣжитъ по дрожащей рукѣ . . .

Ширится кругъ твоего мнѣ огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пепломъ подернутый бурный костеръ —
Твой не глядящій, скользящій твой взоръ!

Нѣтъ! Не смирить эту черную кровь
Даже — свиданіе, даже — любовь!

2

Я гляжу на тебя. Каждый демонъ во мнѣ
Притаился, глядитъ.

Каждый демонъ въ тебѣ сторожить,
Притаясь въ грозовой тишинѣ . . .

И вздымается жадная грудь . . .

Этихъ демоновъ страшныхъ вспугнуть?

Нѣтъ! Глаза отвратить, и не смѣть, и не смѣть
Въ эту страшную пропасть глядѣть!

3

Даже имя твое мнѣ презрѣнно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воесть потокъ многопѣнный,
Изъ пустыни подходитъ гроза.

Глазъ молчитъ, золотистый и карій,
Горла тонкіе ищутъ персты . . .
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, какъ кошка, оцеришься ты . . .

4

О, нѣтъ! Я не хочу, чтобъ пали мы съ тобой
Въ объятія страшныя! Чтобъ долго длились муки,
Когда — ни расплести сцѣпившіяся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьмѣ ночи й!

Я слѣпнуть не хочу отъ молнии грозовой,
Ни слушать скрипокъ вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись въ пепель твой горящей головой!

Какъ первый человѣкъ, божественнымъ сгорая,
Хочу вернуть навѣкъ на синій берегъ рая
Тебя, убивъ всю ложь и уничтоживъ ядъ . . .

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взглядъ
Иной пророчить рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змѣиный рай — бездонной скуки адъ.

5

Вновь у себя . . . Униженъ, золь и радъ.
Ночь, день ли тамъ, въ окнѣ?
Вонъ мѣсяцъ, какъ паяцъ, надъ кровлями громадъ
Гримасу корчитъ мнѣ . . .

Дневное солнце — прочь, раскаяніе — прочь!—
Кто смѣетъ мнѣ помочь?
Въ опустошенный мозгъ ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

Въ пустую грудь одинъ, одинъ проникнетъ взглядъ,
Вопьется жадный взглядъ . . .
Все отойдетъ навѣкъ, настанетъ *никогда*,
Когда ты крикнешь: *Да!*

6

Испугомъ схвачена, влекома
Въ водоворотъ . . .
Какъ эта комната знакома!
И все навѣкъ пройдетъ?

И, въ ужасѣ, несвязно шепчетъ . . .
И, скрывъ лицо,
Пугливыхъ рукъ свиваетъ крѣпче
Пѣвучее кольцо . . .
... И утра первый лучъ звенящій
Сквозь желтыхъ шторъ . . .
И чертитъ Богъ на тѣлѣ спящей
Свой свѣтовой узоръ.

7

Ночь, какъ вѣка, и томный трепеть,
И страстный бредъ,
Усть о блаженно-страшномъ лепеть,
Въ окнѣ — старинный, слабый свѣтъ.
Несбыточные увѣренья,
Нѣтъ, не слова —
То, что теряетъ все значенье,
Забрежжитъ блѣдный день едва . . .
Тогда — во взглядѣ глазъ усталомъ —
Твоя въ немъ ложь!
Тогда мой ротъ извивомъ алымъ
На твой таинственно похожъ!

8

Я ее побѣдилъ наконецъ!
Я завлекъ ее въ мой дворецъ!
Три свѣчи въ безконечной дали.
Мы въ тяжелыхъ коврахъ, въ пыли.

И подь смуглымъ огнемъ трехъ свѣчъ
Смуглый бархатъ открытыхъ плечъ,

Буря спутанныхъ косъ, тусклый глазъ,
На кольцо — померкшій алмазъ,

И обугленный ротъ въ крови
Еще просить пытокъ любви . . .

А въ провалѣ глухихъ оконъ
Смутный шелестъ многихъ знаменъ,

Звонъ, и трубы, и конскій топъ,
И качается тяжкій гробъ . . .

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни! . . .

— Отгони непонятный страхъ —
Это кровь прошумѣла въ ушахъ.

Близокъ вой похоронныхъ трубъ,
Смутенъ вздохъ охладѣвшихъ губъ:

— Мой красавецъ, позоръ мой, бичъ . . .
Ночь бросаетъ свой мглистый кличъ,

Гаснутъ свѣчи, глаза, слова . . .
— Ты мертва, наконецъ, мертва!

Знаю, выпилъ я кровь твою . . .
Я кладу тебя въ гробъ и пою, —

Мглистой ночью о нѣжной веснѣ
Будетъ пѣть твоя кровь во мнѣ!

Надъ лучшимъ созданіемъ Божьимъ
 Извѣдалъ я силу презрѣнья.
 Я палкой ударилъ ее.

Поспѣшно одѣлась. Уходитъ.
 Ушла. Оглянулась пугливо
 На сизыя окна мои.

И нѣтъ ея. Въ сизыя окна
 Вливается вечеръ ненастный,
 А дальше, за мракомъ ненастья,
 Горитъ заревая кайма.

Далекіе, влажные доли
 И близкое, бурное счастье!
 Одинъ я стою и внимаю
 Тому, что мнѣ скрипки поютъ.

Поютъ онѣ дикія пѣсни
 О томъ, что свободнымъ я сталъ!
 О томъ, что на лучшую долю
 Я низкую страсть промѣнялъ!

✱

ДЕМОНЪ

Иди, иди за мной — покорной
И вѣрною моею рабой.
Я на сверкнувшій гребень горный
Взлечу увѣренно съ тобой.

Я пронесу тебя надъ бездной,
Ея бездонностью дразня.
Твой будетъ ужасъ бесполезный —
Лишь вдохновеньемъ для меня.

Я отъ дождя эфирной пыли
И отъ круженья охраню
Всей силой мышцъ и сѣнью крылій
И, вознося, не уроню.

И на горахъ, въ сверканьи бѣломъ,
На незапятнанномъ лугу,
Божественно-прекраснымъ тѣломъ
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человѣческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь? —

Когда же вечеръ станетъ тише,
И, околдованная мной,
Ты полетѣть захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя съ собою
И вознесу тебя туда,
Гдѣ кажется земля звѣздою,
Землею кажется звѣзда.

И, онѣмѣвъ отъ удивленья,
Ты узришь новые міры —
Невѣроятныя видѣнья,
Созданія моей игры . . .

Дрожа отъ страха и безсилья
Тогда шепнешь ты: отпусти . . .
И, распутивъ тихонько крылья,
Я улыбнусь тебѣ: лети.

И подъ божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, какъ камень зыбкій,
Въ сіяющую пустоту . . .

*

ГОЛОСЪ ИЗЪ ХОРА

Какъ часто плачемъ — вы и я —
Надъ жалкой жизнію своей!
О, еслибъ знали вы, друзья,
Холодъ и мракъ грядущихъ дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь съ нею, шутя,
И плачешь ты, замѣтивъ ложь,
Или въ рукѣ любимой ножъ,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству мѣры нѣтъ,
А смерть — далека.
Все будетъ чернѣе страшный свѣтъ,
И все безумнѣй вихрь планетъ
Еще вѣка, вѣка!

И вѣкъ послѣдній, ужаснѣй всѣхъ,
Увидимъ и вы и я:
Все небо скроетъ гнусный грѣхъ,
На всѣхъ устахъ застынетъ смѣхъ,
Тоска небытія . . .

Весны, дитя, ты будешь ждать ---
Весна обманетъ.

Ты будешь солнце на небо звать ---
Солнце не встанетъ.

И крикъ, когда ты начнешь кричать,
Какъ камень, канетъ . . .

Будьте жъ довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, еслибъ знали, дѣти, вы,
Холодъ и мракъ грядущихъ дней!

1910—1914

✱

ВОЗМЕЗДІЕ

(1908 — 1913)

О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ
Я забывалъ на горестной землѣ,
Когда твое лицо въ простой оправѣ
Передо мной сіяло на столѣ.

Но часъ насталъ, и ты ушла изъ дому.
Я бросилъ въ ночь завѣтное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забылъ прекрасное лицо.

Летѣли дни, крутятся проклятымъ роємъ . . .
Вино и страсть терзали жизнь мою . . .
И вспомнилъ я тебя предъ аналоемъ,
И звалъ тебя, какъ молодость свою . . .

Я звалъ тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лилъ, но ты не снизошла.
Ты въ синій плащъ печально завернулась,
Въ сырую ночь ты изъ дому ушла.

Не знаю, гдѣ пріютъ своей гордынѣ
Ты, милая, ты, нѣжная, нашла . . .
Я крѣпко сплю, мнѣ снится плащъ твой синій,
Въ которомъ ты въ сырую ночь ушла . . .

Ужъ не мечтать о нѣжности, о славѣ,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо въ его простой оправѣ
Своей рукой убралъ я со стола.

1908

ЗАБЫВШІЕ ТЕБЯ

И часъ насталь. Свой плащъ скрутило время,
И мечъ блеснулъ, и стѣны разошлись.
И я пошелъ съ толпой — туда, за всѣми,
Въ туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народъ ропталъ, вожди лишились силъ.
Навстрѣчу намъ шли грозовыя тучи,
Ихъ молній снопъ дробилъ.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокругъ сжимались кулаки,
Грозящіе громамъ, рыдали дѣти,
И жены кутались въ платки.

И я, безъ силъ, отсталъ, ушелъ изъ строя,
За мной — толпа сопутниковъ моихъ,
Намъ не сіяло небо голубое,
И солнце — въ тучахъ грозовыхъ.

Скитались мы, безпомощно роптали,
И прежнихъ хижинъ не могли найти,
И, у ночныхъ костровъ сходясь, дрожали,
Надѣясь отыскать пути . . .

Напрасный жаръ. Напрасныя скитанья.
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Такъ — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1908

*

Она, какъ прежде, захотѣла
Вдохнуть дыханіе свое
Въ мое измученное тѣло,
Въ мое холодное жилище.

Какъ небо, встала надо мною,
А я не могъ навстрѣчу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковалъ о ней . . .

Смотрѣлъ я тусклыми глазами,
Какъ надо мной она груститъ,
И больше не было межъ нами
Ни словъ, ни счастья, ни обидъ . . .

Земное сердце уставало
Такъ много лѣтъ, такъ много дней . . .
Земное счастье запоздало
На тройкѣ бѣшеной своей!

Я, наконецъ, смертельно боленъ,
Дышу инымъ, инымъ томлюсь,
Закатомъ солнечнымъ доволенъ
И вѣчной ночи не боюсь . . .

Мнѣ вѣчность заглянула въ очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костеръ волненья залила . . .

Ночь, какъ ночь, и улица пүстынна.

Такъ всегда!

Для кого же ты была невинна

И горда?

Лишь сырая каплетъ мгла съ карнизовъ.

Я и самъ .

Собираюсь бросить злобный вызовъ

Небесамъ.

Всѣ на свѣтѣ, всѣ на свѣтѣ знаютъ:

Счастья нѣтъ.

И который разъ въ рукахъ сжимають

Пистолеть!

И который разъ, смѣясь и плача,

Вновь живутъ!

День, какъ день; вѣдь рѣшена задача:

Всѣ умрутъ.

✱

Я сегодня не помню, что было вчера.
По утрамъ забываю свои вечера,
Въ бѣлый день забываю огни,
По ночамъ забываю дни.

Но всѣ ночи и дни наплываютъ на насъ
Передъ смертью, въ торжественный часъ.
И тогда — въ духотѣ, въ тѣснотѣ,
Слишкомъ больно мечтать
О былой красотѣ
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

*

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда подъ заступомъ холоднымъ
Скрипѣлъ песокъ и яркій снѣгъ,
Во мнѣ, печальномъ и свободномъ,
Еще смирялся человѣкъ.

Пусть эта смерть была понятна, —
Въ душѣ, подъ пѣсни панихидъ,
Ужъ проступали злыя пятна
Незабываемыхъ обидъ.

Уже съ угрозою сжималась
Доселѣ добрая рука.
Ужъ подымалась и металась
Въ душѣ отравленной тоска . . .

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвенію предамъ.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночамъ.

Но — быть колѣнопреклоненнымъ,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нѣтъ. Надъ младенцемъ, надъ *блаженнымъ*,
Скорбѣть я буду безъ Тебя.

Февраль 1909

✱

Когда я прозрѣвалъ впервые,
Навстрѣчу жаждущей мечтѣ
Лучи метнулись заревые
И трубный ангелъ въ высотѣ.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубымъ смѣхомъ искажила
Все, чѣмъ жива была мечта.

Замолкли ангельскія трубы,
Нѣмоствуетъ дневная ночь.
Верни мнѣ, жизнь, хоть смѣхъ беззубый,
Чтобъ въ тишинѣ не изнемочь!

*

Дохнула жизнь въ лицо могилой —
Мнѣ страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта съ упрямой силой
Послѣдній открываетъ путь:

Пои, пои свои творенья
Незримымъ ядомъ мертвеца,
Чтобъ гнѣвной зрѣлостью презрѣнья
Людскія отравлять сердца.

✱

Евг. Иванову

Когда, вступая въ міръ огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь въ уголъ темный
И смерти ждешь изъ темноты;

Когда ты злобенъ, или боленъ,
Тоской иль страстію палимъ,
Повѣрь: тогда еще ты воленъ
Гордиться счастіемъ своимъ!

Когда жъ ни скукой, ни любовью,
Ни страхомъ ужъ не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограбленъ ты и нагъ:
Смерть не возможна безъ томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Такъ — только замедляетъ шагъ.

*

Весенній день прошелъ безъ дѣла
У неумытаго окна;
Скучала за стѣной и пѣла,
Какъ птица плѣнная, жена.

Я, не спѣша, собралъ безстрастно
Воспоминанья и дѣла;
И стало безпощадно ясно:
Жизнь прошумѣла и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будетъ скучно и темно;
Къ чему спускать на окнахъ што? ы?
День догорѣлъ въ душѣ давно.

✱

Какая дивная картина
Твоя, о сѣверъ мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, какъ мечта моя!

Здѣсь духъ мой, влобный и упорный
Тревожить смѣхомъ тишину;
И, откликаясь, воронъ черный
Качаетъ мертвую сосну;

Внизу kloкочутъ водопады,
Точа гранить и корни древъ;
И на камняхъ поютъ наяды
Безполый гимнъ безмужнихъ дѣвъ;

И въ этомъ гулѣ водъ холодныхъ,
Въ постыломъ крикѣ воронья,
Подъ рыбьимъ взоромъ дѣвъ бесплодныхъ
Тихонько тлѣетъ жизнь моя!

*

Ты въ комнатѣ одинъ сидишь.

Ты слышишь?

Я знаю: ты теперь не спишь . . .

Ты дышишь и не дышишь.

Зачѣмъ за дверью свѣтъ погасъ?

Не бойся!

Я твой давно забытый часъ,

Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь въ бреду,

Мятежный!

Я все равно къ тебѣ войду,

Старинный другъ и нѣжный. . .

Не бойся вспоминать меня:

Ты былъ такъ молодъ . . .

Ты сѣлъ на бѣлаго коня,

И щеки жегъ осенній холодъ!

Ты полетѣлъ туда, туда, —

Въ янтарь закатный!

Немудрый, зналъ ли ты тогда

Свой нищій путь возвратный?

Теперь ты мудръ: не прекословь —

Что толку въ спорѣ?

Ты помнишь первую любовь

И зори, зори, зори?

Зачѣмъ склонился ты лицомъ

Такъ низко?

Утѣшься: вѣтеръ за окномъ —

То трубы смерти близкой!

Открой, отвѣть на мой вопросъ:

Твой день былъ ярокъ?

Я саванъ царственный принеся

Тебѣ въ подарокъ!

×

Кольцо существованья тѣсно:
Какъ всѣ пути приводятъ въ Римъ,
Такъ намъ заранѣе извѣстно,
Что все мы рабски повторимъ.

И мнѣ, какъ всѣмъ, все тотъ же жребій
Мерещится въ грядущей мглѣ:
Опять — любить Ее на небѣ
И измѣнить ей на землѣ.

*

Чѣмъ больше хочешь отдохнуть,
Тѣмъ жизнь страшнѣй, тѣмъ жизнь страшнѣй,
Сырой туманъ ползеть съ полей,
Сырой туманъ вползаетъ въ грудь
По бархату ночей . . .

Забудь о томъ, что жизнь была,
О томъ, что будетъ жизнь, забудь . . .
Съ полей ползеть ночная мгла . . .

Одно, одно —

Уснуть, уснуть . . .

Но все равно —

Разбудить кто-нибудь.

*

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкій плотный занавѣсъ у входа,
За ночнымъ окномъ — туманъ.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страхъ познавшій Донъ-Жуанъ?

Холодно и пусто въ пышной спальнѣ,
Слуги спятъ и ночь глуха.
Изъ страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пѣнье пѣтуха.

Что измѣннику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спитъ, скрестивъ на сердцѣ руки,
Донна Анна видитъ сны . . .

Чьи черты жестокиа застыли,
Въ зеркалахъ отражены?
Анна, Анна, сладко-ль спать въ могилѣ?
Сладко-ль видѣть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рокъ!
И въ отвѣтъ — побѣдно и влюбленно —
Въ снѣжной мглѣ поетъ рожокъ . . .

Пролетаетъ, брызнувъ въ ночь огнями,
Черный, тихій, какъ сова, моторъ.
Тихими, тяжелыми шагами
Въ домъ вступаетъ Командоръ . . .

Настежь дверь. Изъ непомѣрной стужи,
Словно хриплый бой ночныхъ часовъ —
Бой часовъ: — Ты звалъ меня на ужинъ.
— Я пришелъ. А ты готовъ? . . .

На вопросъ жестокой нѣтъ отвѣта,
Нѣтъ отвѣта — тишина.
Въ пышной спальнѣ страшно въ часъ разсвѣта,
Слуги спять, и ночь блѣдна.

Въ часъ разсвѣта холодно и странно,
Въ часъ разсвѣта — ночь мутна.
Дѣва Свѣта! Гдѣ ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только въ грозномъ утреннемъ туманѣ
Бьютъ часы въ послѣдній разъ:
Донна Анна въ смертный часъ твой встанетъ.
Анна встанетъ въ смертный часъ.

1910—1912

*

Мой бѣдный, мой далекій другъ!
Пойми, хоть въ часъ тоски безсонной,
Таинственно и неуклонно
Снѣдающій меня недугъ . . .
Зачѣмъ въ моей стѣсненной груди
Такъ много боли и тоски?
И такъ ненужны маяки,
И такъ давно постыли люди,
Уныло ждущіе Христа . . .
Лишь дьявола они находятъ . . .
Ихъ лишь къ отчаянью приводятъ
Извѣчно лгуція уста . . .
Всѣ, кто намѣренно щадить,
Кто безъ желанья ранить больно . . .
Иль — порываній намъ довольно,
И лишь недугъ — надежный щить?

×

Какъ свершилось, какъ случилось?
Былъ я бѣденъ, слабъ и малъ.
Но Величій нѣкихъ тайна
Мнѣ до времени открылась,
Я Высокое позналъ.

Недостойный рабъ, сокровищъ
Мнѣ врученныхъ не храня,
Былъ я царь и стражъ случайный.
Сонмы лютые чудовищъ
Налетѣли на меня.

Приручилъ я чарой лестью
Тѣхъ, кто первые пришли.
Но не счесть намъ вражьей силы!
Ощетинившейся местию
Остальные поползли.

И, покинувъ стражу, къ ночи
Я пошелъ во вражій станъ.
Ночь курилась, какъ кадило.
Ослѣпительныя очи
Повлекли меня въ туманъ.

Падшій ангелъ, былъ я встрѣченъ
Въ станѣ ихъ, какъ юный богъ.
Какъ прекрасный небожитель,
Я царицей былъ замѣченъ,
Я входилъ въ ея чертогъ,

Въ тотъ чертогъ, который въ пепель
Обратится на землѣ.
Но не спалъ мой грозный Мститель:
Ликъ Его былъ гнѣвно-свѣтель
Въ эти ночи на скалѣ.

И разсвѣтъ мнѣ въ очи глянулъ,
Наступилъ мой скудный день.
Только крылъ раздался трепеть,
Кто-то мимо въ небо канулъ,
Какъ разгнѣванная тѣнь.

Было долгое томленье.
Думалъ я: не будетъ дня.
Бредъ безумный, страстный лепеть,
Клятвы, пени, увѣренья
Доносились до меня.

Но, тоской моею гонима,
Нежить сгинула, — и вдругъ
День жестокий, день желѣзный
Вкругъ меня неумолимо
Очертилъ замкнутый кругъ.

Нѣтъ конца и нѣтъ начала,
Нѣтъ исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бѣдную обстала
Прежде милая мнѣ даль.

Не таюсь я передъ вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарницъ,

Обожженный языками
Преисподняго огня.

Гдѣ же ты? не медли болѣ.
Ты, какъ я, не ждешь звѣзды.
Приходи ко мнѣ, товарищъ,
Раздѣлить земной юдоли
Невеселые труды.

1913

*

Я М Б Ы

(1907 — 1914)

Fecit indignatio versum

Juven. Sat. I, 79

Посвящается

памяти

моей покойной сестры

Ангелины Александровны Блокъ

О, я хочу безумно жить:
Все сущес — увѣковѣчить,
Безличное — вочеловѣчить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душить жизни сонъ тяжелый.
Пусть задыхаюсь въ этомъ снѣ, —
Быть можетъ, юноша веселый
Въ грядущемъ скажетъ обо мнѣ:

*Простимъ угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Онъ весь — дитя добра и свѣта,
Онъ весь — свободы торжество!*

★

Я ухо приложилъ къ землѣ.
Я муки крикомъ не нарушу.
Ты слишкомъ хриплымъ стономъ душу
Безсмертную томишь во мгдѣ!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой вѣрный молотъ,
Чтобъ молніей живой расколоть
Былъ мракъ, гдѣ не видать ни зги!
Ты роешься, подземный кротъ!
Я слышу трудный, хриплый голосъ . . .
Не медли. Помни: слабый колосъ
Подъ ихъ сѣкирой упадетъ . . .
Какъ зерна, злую землю рой
И выходи на свѣтъ. И вѣдай:
За ихъ случайною побѣдой
Роится сумракъ гробовой.
Лелѣй, пои, тай ту новь,
Пройдетъ весна — надъ этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созрѣетъ новая любовь.

1907

×

Тропами тайными, почными,
При свѣтѣ траурной зари,
Придутъ замученные ими,
Надъ ними встанутъ упыри.
Овѣютъ призраки ночные
Ихъ помышленья и дѣла,
И загниютъ еще живыя
Ихъ слишкомъ сытыя тѣла.
Ихъ корабли въ пучинѣ водной
Не сыщутъ ржавыхъ якорей,
И не успѣтъ дочестъ отходной
Тебѣ, пузатый іерей!
Довольныхъ сытое обличье,
Сокройся въ темные гроба!
Такъ намъ велитъ *временъ величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось съ могучихъ плечъ!
Все, все — да станетъ легкой пылью
Подъ солнцемъ, не уставшимъ жечь!

1907

*

Въ голодной и больной неволѣ
И день не въ день, и годъ не въ годъ.
Когда же всколосится поле,
Вздохнеть униженный народъ?

Что лѣто, шелестятъ во мракѣ,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь, подъ тайнымъ вѣтромъ, злаки:
Пора цвѣтенья началась.

Народъ — вѣнецъ земного цвѣта,
Краса и радость всѣмъ цвѣтамъ:
Не миновать Господня лѣта
Благопріятнаго — и намъ.

1909

✱

Не спать, не помнить, не торгуютъ.
Надъ чернымъ городомъ, какъ стонъ,
Стоить, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звонъ.

Надъ человѣческимъ созданьемъ,
Которое онъ въ землю вбилъ,
Надъ смрадомъ, смертью и страданьемъ
Трезвонятъ до потери силъ . . .

Надъ міровою чепухою;
Надъ всѣмъ, чему нельзя помочь;
Звонятъ надъ шубкой мѣховою,
Въ которой ты была въ ту ночь.

Ревель

*

О, какъ смѣялись вы надъ нами,
Какъ ненавидѣли вы насъ
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили васъ!
Но мы — все тѣ же. Мы, поэты,
За васъ, о васъ тоскуемъ вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обѣты . . .
И также простъ нашъ тихій храмъ,
Мы на стѣнахъ читаемъ строки . . .
Такъ смѣйтесь и не вѣрьте намъ,
И не читайте наши строки
О томъ, что подъ землей струи
Поютъ, о томъ, что бродятъ свѣты . . .

Но помни Тютчева завѣты:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои . . .

✱

Я — Гамлетъ. Холодѣетъ кровь,
Когда плететъ коварство сѣти,
И въ сердцѣ — первая любовь
Жива — къ единственной на свѣтѣ.

Тебя, Офелію мою,
Увелъ далеко жизни холодъ,
И гибну, принцъ, въ родномъ краю
Клинкомъ отравленнымъ заколотъ.

✱

Такъ. Буря этихъ лѣтъ прошла.
Мужикъ поплелся бороздою,
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенять весны крыла . . .

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мнѣ шепчетъ: *встань* . . .
И я цѣлую богомольно
Ея невидимую ткань . . .

И сердце бьется слишкомъ скоро,
И слишкомъ молодѣетъ кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозить мнѣ первая любовь . . .

Забудь, забудь о страшномъ мірѣ,
Взмахни крыломъ, лети туда . . .
Нѣтъ, не одинъ я былъ на ширѣ!
Нѣтъ, не забуду никогда!

★

Да. Такъ диктуетъ вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнетъ туда, гдѣ униженье,
Гдѣ грязь, и мракъ, и нищета.
Туда, туда, смиреннѣй, ниже, —
Оттуда зримѣй міръ иной . . .
*Ты видѣлъ ли дѣтей въ Парижѣ,
Иль нищихъ на мосту зимой?*
На непроглядный ужасъ жизни
Открой скорѣй, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела въ твоей отчизнѣ, —
Дай гнѣву правому созрѣть,
Приготовляй къ работѣ руки . . .
Не можешь — дай тоскѣ и скукѣ
Въ тебѣ копиться и горѣть . . .
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирныя сотри,
Какъ боязливый кротъ, отъ свѣта
Заройся въ землю — тамъ замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этотъ свѣтъ,
Пускай грядущаго не видя, —
Днямъ настоящимъ молвивъ: *нѣтъ!*

1911

*

Когда мы встрѣтились съ тобой,
Я былъ больной, съ душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь міръ казался мнѣ Варшавой!
Я помню: днемъ я былъ «поэтъ»,
А ночью (призракъ жизни вольной!)
Надъ черной Вислой — черный бредъ . . .
Какъ скучно, холодно и больно!
Когда бъ изъ памяти моей
Я вычеркнуть имѣлъ бы право
Сырой притонъ тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мнѣ
Своей волнующей тревогой
О томъ, что міръ — жилище Бога,
О холодѣ и объ огнѣ.

*

Земное сердце стынетъ вновь,
Но стужу я встрѣчаю грудью.
Храню я къ людямъ на безлюдьи
Нераздѣленную любовь.

Но за любовью — зрѣть гнѣвъ,
Растетъ презрѣнье и желанье
Читать въ глазахъ мужей и дѣвъ
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовутъ: *Забудь, поэтъ!*
Вернись въ красивые уюты!
Нѣтъ! Лучше сгинуть въ стужѣ лютой!
Уюта — нѣтъ. Покоя — нѣтъ.

✱

Въ огнѣ и холодѣ тревогъ —
Такъ жизнь пройдетъ. Запомнимъ оба,
Что встрѣтятся судиль намъ Богъ
Въ часъ искупительный — у гроба.

Я вѣрю: новый вѣкъ взойдетъ
Средь всѣхъ несчастныхъ поколѣній.
Недаромъ славить каждый родъ
Смертельно оскорбленный геній.

И всѣ, какъ онъ, оскорблены
Въ своихъ сердцахъ, въ своихъ пѣвучихъ.
И всѣмъ — священный мечъ войны
Сверкаетъ въ неизбѣжныхъ тучахъ.

Пусть день далекъ — у насъ все тѣ же
Завѣты юношамъ и дѣвамъ:
Презрѣнье созрѣваетъ гнѣвомъ,
А зрѣлость гнѣва — есть мятежъ.

Разыгрывайте жизнь, какъ фантъ.
Сердца поэтовъ чутко внемлютъ,
Въ ихъ безпокойствѣ — воли дремлютъ;
Такъ точно — черный бриллиантъ

Спитъ сномъ невѣдомымъ и страннымъ,
Въ очарованьи бездыханномъ,
Среди глубокихъ нѣдръ, — пока
Въ горахъ не запоетъ кирка.

1910—1914

*

ИТАЛЬЯНСКІЕ СТИХИ

(1909)

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.

*Надпись подъ часами въ церкви
Santa Maria Novella (Флоренція)*

РАВЕННА

Все, что минутно, все, что бrenно,
Похоронила ты въ вѣкахъ.
Ты, какъ младенецъ, спишь, Равенна,
У сонной вѣчности въ рукахъ.

Рабы сквозь римскія ворота
Уже не ввозятъ мозаикъ.
И догораетъ позолота
Въ стѣнахъ прохладныхъ базиликъ.

Отъ медленныхъ лобзаній влаги
Нѣжнѣе грубый сводъ гробницъ,
Гдѣ зеленѣютъ саркофаги
Святыхъ монаховъ и царицъ.

Безмолвны гробовыя залы,
Тѣнистъ и хладенъ ихъ порогъ,
Чтобъ черный взоръ блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожегъ.

Военной брани и обиды
Забытъ и стертъ кровавый слѣдъ,
Чтобы воскресшій гласъ Плакиды
Не пѣлъ страстей протекшихъ лѣтъ.

Далеко отступило море,
И розы оцѣпили валъ,
Чтобъ спящій въ гробѣ Теодорихъ
О бурѣ жизни не мечталъ.

А виноградныя пустыни,
Дома и люди — все гроба.
Лишь мѣдъ торжественной латыни
Поетъ на плитахъ, какъ труба.

Лишь въ пристальномъ и тихомъ взорѣ
Равеннскихъ дѣвушекъ, порой,
Печаль о невозвратномъ морѣ
Проходить робкой чередой.

Лишь по ночамъ, склонясь къ долинамъ,
Ведя вѣкамъ грядущимъ счетъ,
Тѣнь Данта съ профилемъ орлинымъ
О Новой Жизни мнѣ поетъ.

★

Почієть въ мирѣ Теодорихъ,
И Дантъ не встанеть съ ложа сна.
Гдѣ прежде бушевало море,
Тамъ — виноградъ и тишина.
Въ ласкающемъ и тихомъ взорѣ
Равеннскихъ дѣвушекъ — весна.

Здѣсь голосъ страсти невозможенъ,
Отвѣта нѣтъ моей мольбѣ!
О, какъ я предъ тобой ничтоженъ!
Завидую твоей судьбѣ,
О, Галла! — страстію къ тебѣ
Всегда взволнованъ и встревоженъ!

*

ДѢВУШКА ИЗЪ SPOLETO

Строенъ твой станъ, какъ церковныя свѣчи.
Взоръ твой — мечами пронзающій взоръ.
Дѣва, не жду ослѣпительной встрѣчи —
Дай, какъ монаху, взойти на костеръ!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, какъ художникъ, смотрю за ограду,
Гдѣ ты срываешь цвѣты, — и люблю!

Мимо, все мимо — ты вѣтромъ гонима —
Солнцемъ палима — Марія! Позволь
Взору — прозрѣть надъ тобой херувима,
Сердцу — извѣдать сладчайшую боль!

Тихо я въ темныя кудри вплетаю
Тайныхъ стиховъ драгоцѣнный алмазь.
Жадно влюбленное сердце бросаю
Въ темный источникъ сіяющихъ глазъ.

*

ВЕНЕЦІЯ

1

Съ ней уходилъ я въ море,
Съ ней покидалъ я берегъ,
Съ нею я былъ далеко,
Съ нею забылъ я близкихъ . . .

О, красный парусъ
Въ зеленой дали!
Черный стеклярусъ
На темной шали!

Идетъ отъ сумрачной обѣдни,
Нѣтъ въ сердцѣ крови . . .
Христось, уставшій крестъ нести . . .

Адріатической любви —
Моей послѣдней —
Прости, прости!

2

Евг. Иванову

Холодный вѣтеръ отъ лагуны.
Гондолъ безмолвные гроба.
Я въ эту ночь — больной и юный —
Простертъ у львиного столба.

На башнѣ, съ пѣснію чугунной,
Гиганты бьютъ полночный часъ.
Маркъ утопилъ въ лагунѣ лунной
Узорный свой иконостасъ.

Въ тѣни дворцовой галлерей,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходитъ Саломея
Съ моей кровавой головой.

Все спитъ — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящій шагъ,
Лишь голова на черномъ блюдѣ
Глядитъ съ тоской въ окрестный мракъ.

3

Слабѣетъ жизни гулъ упорный.
Уходитъ вспять приливъ заботъ.
И нѣкій вѣтръ сквозь бархатъ черный
О жизни будущей поетъ.

Очнусь ли я въ другой отчизнѣ,
Не въ этой сумрачной странѣ?
И памятью объ этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во снѣ?

Кто дастъ мнѣ жизнь? Потомокъ дожа,
Купецъ, рыбакъ, иль іерей
Въ грядущемъ мракѣ дѣлитъ ложе
Съ грядущей матерью моею?

Быть можетъ, венецейской дѣвы
Канцоной нѣжной слухъ плѣня,
Отецъ грядущій сквозь напѣвы
Уже предчувствуетъ меня?

И неужель въ грядущемъ вѣкѣ
Младенцу мнѣ — велить судьба
Впервые дрогнувшія вѣки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поють глухія струны?
Ужъ ты мечтаешь, можетъ быть,
Меня отъ вѣтра, отъ лагуны
Священной шалью оградить?

Нѣтъ! Все, что есть, что было, — живо!
Мечты, видѣнья, думы — прочь!
Волна возвратнаго прилива
Бросаетъ въ бархатную ночь!

✱

ПЕРУДЖІЯ

День полувеселый, полустранный,
Голубая гарь отъ Умбрскихъ горъ.
Вдругъ — минутный ливень, вѣтръ прохладный,
За окномъ открытымъ — громкій хоръ.

Тамъ — въ окнѣ, подъ фреской Перуджино,
Черный глазъ смѣется, дышитъ грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочетъ и не смѣетъ дотянуть . . .

На корзинѣ — бѣлая записка:
«Questa sera . . . монастырь Франциска . . .»

*

ФЛОРЕНЦІЯ

1

Умри, Флоренція, Іуда,
Исчезни въ сумракъ вѣковой!
Я въ часъ любви тебя забуду,
Въ часъ смерти буду не съ тобой!

О, Bella, смѣйся надъ собою,
Ужъ не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипятъ твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звенять въ пыли велосипеды
Тамъ, гдѣ святой монахъ сожжешь,
Гдѣ Леонардо сумракъ вѣдалъ,
Беато снился синій сонъ!

Ты пышныхъ Медичей тревожишь,
Ты топчешь лиліи свои,
Но воскресить себя не можешь
Въ пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стоишь протяжный
И трупный запахъ розъ въ церквахъ —
Весь грузъ тоски многоэтажный —
Сгинь въ очистительныхъ вѣкахъ!

2

Флоренція, ты прись нѣжный;
По комъ томился я одинъ
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день въ пыли твоихъ Кашинь!

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить въ твоей глуши;
Уйти въ твой древній зной и въ нѣжность
Своей старѣющей души . . .

Но суждено намъ разлучиться,
И черезъ дальніе края
Твой дымный прись будетъ сниться,
Какъ юность ранняя моя.

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирисъ дымный, прись нѣжный,
Благовонія струя,
Переплыть велить всѣ рѣки
На воздушныхъ парусахъ,
Утонуть велить навѣки
Въ тѣхъ вечернихъ небесахъ,
И когда предамся зною,
Голубой вечерній зной
Въ голубое голубою
Унесетъ меня волной . . .

Жгутъ раскаленные камни
 Мой лихорадочный взглядъ.
 Дымные ирисы въ пламени,
 Словно сейчасъ улетятъ.
 О, безысходность печали,
 Знаю тебя наизусть!
 Въ черное небо Италіи
 Черной душою гляжусь.

Окна ложные на небѣ черномъ,
 И прожекторъ на древнемъ дворцѣ.
 Вотъ проходитъ она — вся въ узорномъ
 И съ улыбкой на смугломъ лицѣ.

А вино ужъ мутитъ мои взоры
 И по жиламъ огнемъ разлилось . . .
Что мнѣ спать въ этотъ вечеръ, синьора?
Что мнѣ спать, чтобъ самъ сладко спалось?

Подъ зноемъ флорентійской лѣни
 Еще бѣднѣе чувствомъ ты:
 Молчать церковныя ступени,
 Цвѣтутъ нерадостно цвѣты.

Такъ береги остатокъ чувства,
 Храни хоть творческую ложь:
 Лишь въ легкомъ челнокѣ искусства
 Отъ скуки міра уплывешь.

Голубоватымъ дымомъ
Вечерній зной возносится,
Долинъ тосканскихъ царь . . .

Онъ мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Подъ уличный фонарь . . .

И вотъ уже въ долинахъ
Несмѣтный сонъ огней,
И вотъ уже въ витринахъ
Отвѣтный блескъ камней,
И городъ скрыли горы
Въ свой сумракъ голубой,
И тѣшатся синьоры
Канцоной площадной . . .

Дымится пыльный присъ,
И легкой пѣной пѣнится
Бокаль Христовыхъ Слезъ . . .

Пляши и пой на пирѣ,
Флоренція, измѣнница,
Въ вѣнкѣ спаленныхъ розъ! . . .
Сведи съ ума канцоной
О преданной любви,
И сдѣлай ночь безсонной,
И струны оборви,
И бей въ свой бубень гудкій,
Рыданія тая!
Въ пустынномъ переулкѣ
Скорбитъ душа твоя . . .

Вотъ дѣвушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснѣя,
Непостижимо чернымъ взглядомъ
Смотрить мнѣ навстрѣчу.
Была бы на то моя воля,
Просидѣлъ бы я всю жизнь въ Сеттиньяно,
У вывѣтрившагося камня Септимія Севера.
Смотрѣлъ бы я на камни, залитые солнцемъ,
На красивую загорѣлую шею и спину
Некрасивой женщины подъ дрожащими тополями.

Settignano

*

MADONNA DA SETTIGNANO

Встрѣтивъ на горномъ Тебя перевалѣ,
Мой прояснившійся взоръ
Понялъ тосканскія дымныя дали
И очертанія горъ.

Желтый платокъ Твой разубранъ цвѣтами —
Сонный то маковый цвѣтъ.
Смотришь большими, какъ небо, глазами
Бѣдному страннику вслѣдъ.

Дашь ли запреты забыть вѣковые
Вѣчному путнику — мнѣ?
Страстно твердить Твое Имя, Марія,
Здѣсь, на чужой сторонѣ?

*

ФЬЕЗОЛЕ

Стучить топоръ, и съ кампаниль
Къ намъ флорентійскій звонъ долинный
Плыветь, доплылъ и разбудилъ
Сонъ золотистый и старинный . . .

Не такъ же ли стучалъ топоръ
Въ нагорномъ Фьезоле когда-то,
Когда впервые взоръ Беато
Флоренцію примѣтилъ съ горъ?

✱

СИЕНА

Въ лонѣ площади пологой
Пробивается трава.
Мѣсяцъ острый, круторогій,
Башни — свѣчи Божества.

О, лукавая Сіена,
Вся — колчанъ упругихъ стрѣлъ!
Вѣроломство и измѣна —
Твой таинственный удѣлъ!

Отъ сосѣднихъ лозъ и пашень
Ограды со всѣхъ сторонъ,
Острія церквей и башень
Ты вонзила въ небосклонъ!

И томленьемъ духъ влюбленный
Наполняютъ образа,
Гдѣ коварныя Мадонны
Щурятъ длинные глаза:

Пусть грозитъ Младенцу буря,
Пусть грозитъ Младенцу врагъ, —
Мать глядится въ мутный мракъ,
Очи влажныя сощура! . . .

*

СИЕНСКІЙ СОБОРЪ

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
Къ плитамъ Сиенскаго собора
Свой натруженный взоръ склони.

Скажи, гдѣ мѣсто вѣчной ночи?
Вотъ здѣсь — Сивиллины уста
Въ безумномъ трепетѣ пророчать
О воскресеніи Христа.

Свершай свое земное дѣло,
Довольный возрастомъ своимъ.
Здѣсь подъ рѣзцомъ оцѣпенѣло
Все то, надъ чѣмъ мы ворожимъ.

Вотъ — мальчикъ надъ цвѣткомъ и съ птицей,
Вотъ — мужъ съ пергаментомъ въ рукахъ,
Вотъ — дряхлый старецъ надъ гробницей
Склоняется на двухъ клюкахъ.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придетъ онъ, строгій,
Кристалльно-ясный часъ любви.

✱

Искусство — ноша на плечахъ.
Зато, какъ мы, поэты, цѣнимъ
Жизнь въ мимолетныхъ мелочахъ!
Какъ сладостно предаться лѣни,
Почувствовать, какъ въ жилахъ кровь
Переливается пѣвуче,
Бросающую въ жаръ любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встаётъ во всемъ шампанскомъ блескѣ
Въ мурлыкающемъ нѣжно трескѣ
Мигающаго Cinéma! . . .
А черезъ годъ — въ чужой странѣ:
Усталость, городъ неизвѣстный,
Толпа, — и вновь на полотнѣ
Черты французенки прелестной! . . .

Foligno

✱

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой . . .
Ты многимъ кажешься святой,
Но Ты, Марія, вѣроломна . . .

Быть съ дѣвой — быть во власти ночи,
Качаться на морскихъ волнахъ . . .
И не напрасно эти очи
Къ мірянамъ ревновалъ монахъ:

Онъ въ нишѣ сумрачной церковной
Поставилъ съ братіей Ее —
Подальше отъ мечты грѣховной,
Въ молитвенное забытье . . .

Однако, братьямъ надоѣло

.
.
.

Конецъ преданьямъ и туманамъ!
Теперь — во всѣхъ церквахъ Она
Равно монахамъ и мірянамъ
На поруганье предана . . .

Но есть одинъ вздыхатель тайный
Красы Божественной — поэтъ . . .
Онъ видитъ Твой необычайный,
Немеркнуцій, Марія, свѣтъ!

Онъ на колѣняхъ въ нишѣ темной
Замолить страстные грѣхи,
Замолить свой восторгъ нескромный,
Свои грѣховные стихи!

И Ты, чье сердце благосклонно,
Не гнѣвайся и не дивись,
Что взглянетъ онъ порой влюбленно
Въ Твою ласкающую высь!

*

БЛАГОВѢЩЕНІЕ

Съ дѣтскихъ лѣтъ — видѣнія и грезы!
Умбріи ласкающая мгла.
На оградахъ вспыхиваютъ розы,
Тонкіе поютъ колокола.

Слишкомъ рѣзвы милыя подруги,
Слишкомъ дерзокъ ихъ открытый взоръ
Лишь она одна въ предвѣчномъ кругѣ
Ткетъ и ткетъ свой шелковый узоръ.

Робкія томятъ ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красныя одежды
Дрогнули на золотѣ стѣны.

Всѣмъ лицомъ склонилась надъ шелками,
Но вездѣ — сквозь золото рѣсниць —
Вихрь ли съ многоцвѣтными крылами,
Или Ангелъ, распростертый ницъ . . .

Темноликій Ангелъ съ дерзкой вѣтвью
Молить: Здравствуй! Ты полна красы!
И она дрожитъ предъ страстной вѣстью,
Съ плечъ упали тяжкихъ двѣ косы . . .

Онъ поетъ и шепчетъ — ближе, ближе,
Ужъ надъ ней — шумящихъ крыль шатерь . . .
И она безъ силъ склоняетъ ниже
Потемнѣвшій, помутнѣвшій взоръ . . .

Трепеща, не вѣрить: «Я-ли, я-ли?»
И рукою закрывать грудь . . .
Но чернѣютъ пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть . . .

И тогда — незнаемую болью
Озарился свѣтлый кругъ лица . . .
А надъ ними — символъ своеволя —
Перуджійскій грифъ когтитъ тельца.

Лишь художникъ, занавѣсью скрытый, —
Онъ провидитъ страстной муки крестъ
И твердитъ: — Profani, procul ite,
Nec amoris locus sacer est.

Perugia-Spoleto

✱

Ея спеленутое тѣло
Сложили въ молодомъ лѣсу.
Оно отъ мукъ помолодѣло,
Вернувъ бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
Съ волненьемъ, въ сжатые персты
Въ послѣдній разъ Архангелъ старый
Влагаетъ бѣлые цвѣты.

Златить далекія вершины
Прощальнымъ отблескомъ заря,
И надъ туманами долины
Встаютъ усопшихъ три царя.

Ихъ привела, какъ въ дни былые,
Другая, поздняя звѣзда.
И пастухи, уже сѣдые,
Какъ встарь, сгоняютъ съ горъ стада.

И стражей вѣчному покою
Долины заступила мгла.
Лишь межъ звѣздою и зарею
Златятся нимбы безъ числа.

А выше, по крутымъ оврагамъ
Поетъ ручей, цвѣтетъ миндаль,
И надъ открытымъ саркофагомъ
Могильный Ангелъ смотритъ въ даль.

Spoletto

✱

ЭПИТАФІЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ¹

Здѣсь я покоюсь, Филиппъ, живописецъ навѣки
безсмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всѣхъ на устахъ.
Душу умѣлъ я вдохнуть искусными пальцами —
въ краски,
Набожныхъ души умѣлъ — голосомъ Бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядѣвшись соз-
данья,
Принуждена меня звать мастеромъ равнымъ себѣ.
Въ мраморномъ этомъ гробу меня упокоилъ
Лаврентій
Мѣдичи, прежде чѣмъ я въ низменный прахъ
обращусь.

*

¹ Эпитафія сочинена Полиціаномъ и вырѣзана на могильной плитѣ художника въ Сполетскомъ соборѣ по повелѣнію Лаврентія Великолѣпнаго.

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA PHILIPPUS

NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS

ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE COLORES

SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE DIU

IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA FIGURIS

MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES LAURENTIUS HIC ME

CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE TECTUS ERAM

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1908—1916)

ЗА ГРОБОМЪ

Божья Матерь *Утоли мои печали*
Передъ гробомъ шла, свѣтла, тиха.
А за гробомъ — въ траурной вуали
Шла невѣста, провожая жениха . . .

Былъ онъ только литераторъ модный,
Только словъ кощунственныхъ творецъ . . .
Но мертвецъ — родной душѣ народной:
Всякій свято чтить она конецъ.

И навстрѣчу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лобъ.
А друзья и близкіе пылили
На икону, на нее, на гробъ . . .

И съ какою безконечной грустью
(Не о немъ — Богъ вѣсть о комъ?)
Приняла она слова сочувствій
И вѣнокъ случайный за вѣнкомъ . . .

Этихъ фразъ избытыхъ повторенья,
Никому ненужныя слова —
Возвела она въ вѣнецъ творенья,
Въ тайную улыбку Божества . . .

Словно здѣсь, гдѣ пѣли и кадили,
Гдѣ и грусть не можетъ быть тиха,
Убралась она фатой отъ пыли
И ждала Иного Жениха . . .

ДРУЗЬЯМЪ

Молчите, проклятыя струны!
А. Майковъ

Другъ другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А какъ бы и жить и работать,
Не зная извѣчной вражды!

Что дѣлать! Вѣдь каждый старался
Свой собственный домъ отравить,
Всѣ стѣны пропитаны ядомъ,
И негдѣ главу преклонить!

Что дѣлать! Извѣрившись въ счастье,
Отъ смѣху мы сходимъ съ ума,
И, пьяные, съ улицы смотримъ,
Какъ рушатся наши дома!

Предатели въ жизни и дружбѣ,
Пустыхъ расточители словъ,
Что дѣлать! Мы путь расчищаемъ
Для нашихъ далекихъ сыновъ!

Когда подъ заборомъ въ крапивѣ
Несчастныя кости сгніютъ,
Какой-нибудь поздній историкъ
Напишетъ внушительный трудъ . . .

Вотъ только замучить, проклятый,
Ни въ чемъ неповинныхъ ребятъ
Годами рожденья и смерти
И ворохомъ скверныхъ цитатъ . . .

Печальная доля — такъ сложно,
Такъ трудно и празднично жить,
И стать достояньемъ доцента,
И критиковъ новыхъ плодить . . .

Зарыться бы въ свѣжемъ бурьянѣ,
Забиться бы сномъ навсегда!
Молчите, проклятыя книги!
Я васъ не писалъ никогда!

1908

★

ПОЭТЫ

За городомъ выросъ пустынный кварталъ
На почвѣ болотной и зыбкой.
Тамъ жили поэты, — и каждый встрѣчалъ
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день свѣтозарный вставалъ
Надъ этимъ печальнымъ болотомъ:
Его обитатель свой день посвящалъ
Вину и усерднымъ работамъ.

Когда напивались, то въ дружбѣ клялись,
Болтали цинично и пряно.
Подъ утро ихъ рвало. Потомъ, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потомъ вытѣзали изъ будокъ, какъ псы,
Смотрѣли, какъ море горѣло.
И золотомъ каждой прохожей косы
Плѣнялись со знаніемъ дѣла.

Разнѣжась, мечтали о вѣкѣ златомъ,
Ругали издателей дружно,
И плакали горько надъ малымъ цвѣткомъ,
Надъ маленькой тучкой жемчужной . . .

Такъ жили поэты. Читатель и другъ!
Ты думаешь, можетъ быть, — хуже
Твоихъ ежедневныхъ безсильныхъ потугъ,
Твоей обывательской лужи?

Нѣтъ, милый читатель, мой критикъ слѣпой.
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и вѣкъ золотой,
Тебѣ-жъ недоступно все это! . . .

Ты будешь доволенъ собой и женой,
Своей конституціей куцой,
А вотъ у поэта — всемірный запой,
И мало ему конституцій!

Пускай я умру подъ заборомъ, какъ песъ,
Пусть жизнь меня въ землю втоптала, —
Я вѣрю: то Богъ меня снѣгомъ занесъ,
То выюга меня цѣловала!

✱

Когда замрутъ отчаянье и злоба,
Нисходитъ сонъ. И крѣпко спимъ мы оба
На разныхъ полюсахъ земли.

Ты обо мнѣ, быть можетъ, гредишь въ эти
Часы. Идутъ часы походкою столѣтій,
И сны встаютъ въ земной дали.

И вижу въ снахъ твой образъ, твой, прекрасный,
Какимъ онъ былъ до ночи злой и страстной,
Какимъ являлся мнѣ. Смотри:

*Все та же ты, какой цвѣла когда-то,
Тамъ, надъ горой туманной и зубчатой,
Въ лучахъ немеркнувшей зари.*

✱

Ты такъ свѣтла, какъ снѣгъ невинный.
Ты такъ бѣла, какъ дальній храмъ.
Не вѣрю этой ночи длинной
И безысходнымъ вечерамъ.

Своей душѣ, давно усталой,
Я тоже вѣрить не хочу.
Быть можетъ, путникъ запоздалый,
Въ твой тихій теремъ постучу.

За тѣ погибельныя муки
Невѣрнаго сама простишь.
Измѣннику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

*

Все это было, было, было,
Свершился дней круговоротъ.
Какая дожъ, какая сила
Тебя, прошедшее, вернуть?

Въ часъ утра, чистый и хрустальный,
У стѣнъ Московскаго Кремля,
Восторгъ души первоначальный
Вернетъ ли мнѣ моя земля?

Иль въ ночь на Пасху, надъ Невою,
Подъ вѣтромъ, въ стужу, въ ледоходъ —
Старуха нищая клюкою
Мой трупъ спокойный шевельнетъ?

Иль на возлюбленной полянѣ
Подъ шелестъ осени сѣдой
Мнѣ тѣло въ дождевомъ туманѣ
Расклетъ корщунъ молодой?

Иль просто въ часъ тоски беззвѣздной,
Въ какихъ-то четырехъ стѣнахъ,
Съ необходимостью желѣзной
Усну на бѣлыхъ простыняхъ?

И въ новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду также помнить дождей,
Какъ нынче помню Калиту?

Но вѣрю — не пройдетъ безслѣдно
Все, что такъ страстно я любилъ,
Весь трепеть этой жизни бѣдной,
Весь этотъ непонятный пылъ!

*

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛЬ

На разукрашенную елку
И на играющихъ дѣтей
Сусальный ангелъ смотритъ въ щелку
Закрытыхъ наглухо дверей.

А няня топить печку въ дѣтской,
Огонь трещитъ, горитъ свѣтло . . .
Но ангелъ таетъ. Онъ — нѣмецкій.
Ему не больно и тепло.

Сначала таютъ крылья крошки,
Головка падаетъ назадъ,
Сломались сахарныя ножки
И въ сладкой лужицѣ лежатъ . . .

Потомъ и лужица засохла,
Хозяйка ищетъ — нѣтъ его . . .
А няня старая оглохла,
Ворчитъ, не помнить ничего . . .

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкія мечты,
Подъ яркимъ пламенемъ событій,
Подъ гуль житейской суеты!

Такъ! Погибайте! Что въ васъ толку?
Пушай лишь разъ, былымъ дыша,
О васъ поплачетъ втихомолку
Шалунья дѣвочка — душа . . .

*

СОНЪ

Моей матери

Я видѣлъ сонъ: мы въ древнемъ склепѣ
Схоронены; а жизнь идетъ
Вверху — все громче, все недѣлѣй;
И день послѣдній настаеть,

Чуть брезжить утро Воскресенья. .
Труба далекая слышна.
Надъ нами — красные каменья
И мавзолеей изъ чугуна.

И онъ идетъ изъ дымной дали;
И ангелы съ мечами — съ Нимъ:
Такой, какъ въ книгахъ мы читали,
Скучая и не вѣря имъ.

Подъ аркою того же свода
Лежить спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочетъ воскресать она . . .

И слышу, мать мнѣ рядомъ шепчетъ:
— Мой сынъ, ты въ жизни былъ силенъ:
Нажми рукою сводъ покрѣпче,
И камень будетъ отваленъ.

— Нѣтъ, мать. Я задохнулся въ гробѣ,
И больше нѣтъ бывалыхъ силъ.
Молитесь и просите обѣ,
Чтобъ ангелъ камень отвалилъ.

✱

КОМЕТА

Ты намъ грозишь послѣднимъ часомъ,
Изъ синей вѣчности звѣзда!
Но наши дѣвы — по атласамъ
Выводятъ шелкомъ міру: да!
Но будятъ ночь все тѣмъ же гласомъ —
Стальнымъ и ровнымъ — поѣзда!

Всю ночь льютъ свѣтъ въ твои селенья
Берлинъ, и Лондонъ, и Парижъ,
И мы не знаемъ удивленья,
Слѣдя твой путь сквозь стекла крышъ,
Бензолъ приносить исцѣленья,
До звѣздъ разносится матчишь!

Нашъ міръ, раскинувъ хвостъ павлиній,
Какъ ты, исполненъ буйствомъ грезъ:
Черезъ Симплонъ, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесныхъ розъ,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремятъ отнынѣ
Полетъ стада — стальныхъ стрекозъ!

Грозись, грозись надъ головою,
Звѣзды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный трескъ винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствуетъ мечта!

1910

★

Ты помнишь? Въ нашей бухтѣ сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военныя суда.

Четыре — сѣрыхъ. И вопросы
Насъ волновали битый часъ,
И загорѣлые матросы
Ходили важно мимо насъ.

Міръ сталъ заманчивѣй и шире,
И вдругъ — суда уплыли прочь.
Намъ было видно: всѣ четыре
Зарылись въ океанъ и въ ночь.

И вновь обычнымъ стало море,
Маякъ уныло замигалъ,
Когда на низкомъ семафорѣ
Послѣдній отдали сигналъ . . .

Какъ мало въ этой жизни надо
Намъ, дѣтямъ — и тебѣ и мнѣ.
Вѣдь сердце радоваться радо
И самой малой новизнѣ.

Случайно на ножѣ карманномъ
Найди пыдинку дальнихъ странъ —
И міръ опять предстанетъ страннымъ,
Закутаннымъ въ цвѣтной туманъ!

Aber 'Wrach, Finistère, 1911.

*

Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искалъ.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разумъ, сколько ты пылалъ!

Пуškai и счастье и муки
Свой горькій положили слѣдъ,
Но въ страстной бурѣ, въ долгой скукѣ —
Я не утратилъ прежній свѣтъ.

И ты, кого терзалъ я новымъ,
Прости меня. Намъ быть — вдвоемъ.
Все то, чего не скажешь словомъ,
Узналъ я въ обликѣ твоёмъ.

Глядятъ внимательныя очи,
И сердце бьетъ, волнуясь, въ грудь,
Въ холодномъ мракѣ снѣжной ночи
Свой вѣрный продолжая путь.

1912

★

ПОСЛАНИЯ

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При полученіи «Идиллій и Элегій»)

Дождь мелкій, разговоръ поспѣшный,
Изъ-подъ цилиндра прядь волосъ,
Смѣхъ легкій и немножко грѣшный —
Вѣдь такъ при встрѣчахъ повелось?

Но вотъ — какой-то свѣтлый геній
Съ туманнымъ факеломъ въ рукѣ
Занесъ вашъ даръ въ мой домъ осенній,
Гдѣ я — въ тревогѣ и въ тоскѣ.

И въ шумѣ осени суровомъ
Я вспомнилъ васъ, люблю уже
За каждый вашъ намекъ о новомъ
Въ старинномъ, грустномъ чертежѣ.

Мы посмѣялись, пошутили,
И всѣмъ придется, можетъ быть,
Сквозь рѣзвость томную идиллій
Въ ночь скорбную элегій плыть.

1910

*

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ

(При полученіи «Зеркала тѣней»)

И вновь, и вновь твой духъ таинственный
Въ глухой ночи, въ ночи пустой
Велить къ твоей мечтѣ единственной
Прильнуть и пить напитокъ твой.

Вновь причастись души неистовой,
И ядъ, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь въ зеркало тѣней . . .

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здѣсь бьется страсть, змѣится грусть,
Восторженная буря случая
Сулитъ конецъ, убійство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здѣсь стало легкою мечтой,
И поле траурнаго зеркала
Прозрачной стынетъ красотой . . .

А красотой безъ словъ повелѣно:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострѣлено —
Кровь обогреть алтарь любви».

1912

*

ВЛАДИМІРУ БЕСТУЖЕВУ

(Отвѣтъ)

Да, знаю я: пронзили ночь отвѣка
Незримые лучи.

Но мѣры нѣтъ страданью человѣка,
Ослѣпшаго въ ночи!

Да, знаю я, что въ тайнѣ, — міръ прекрасенъ
(Я зналъ Тебя, Любовь!)

Но этотъ шаръ надъ льдомъ жестокъ и красенъ,
Какъ гнѣвъ, какъ месть, какъ кровь!

Ты вѣдаешь, что нѣкій свѣтъ струится,
Объемля все до дна,

Что ищетъ насъ, что въ свистѣ вѣтра длится
Иная тишина . . .

Но страннику, кто снѣжной ночью полонъ,
Кто заглядѣлся въ тьму,

Приснится, что не въ вѣчный свѣтъ вошелъ онъ,
А лучъ сошелъ къ нему.

1912

★

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Былъ скрипокъ вой въ разгарѣ бала.
Виномъ и кровію дыша,
Въ ту ночь намъ судьбы диктовала
Возстанья страшная душа.

Изъ странъ чужихъ, изъ странъ далекихъ
Въ нашъ огонь вступивши снѣговой,
Въ кругу безумныхъ, томноокихъ
Ты золотою всталъ главой.

Слегка согбенъ, не старъ, не молодъ,
Весь — излученье тайныхъ силъ,
О, сколькихъ душъ пустынный холодъ
Своимъ ты холодомъ пронзилъ!

Былъ мигъ — невѣдомая сила,
Восторгомъ разрывая грудь,
Сребристымъ звономъ оглушила,
Сѣкучимъ снѣгомъ ослѣпила,
Блаженствомъ искавила путь!

И въ этотъ мигъ, въ слѣпящей вьюгѣ,
Не вѣдаю, въ какой странѣ,
Не вѣдаю, въ которомъ кругѣ,
Твой странный ликъ явился мнѣ . . .

И я, дичившійся доселѣ
Очей пронзительныхъ твоихъ,
Взглянуль . . . И наши души спѣли
Въ тѣ дни одинъ и тотъ же стихъ.

Но миновалась нынѣ вьюга.
И горькой складкой тѣ года
Легли на сердце мнѣ. И друга
Въ тебѣ не вижу, какъ тогда.

Какъ въ годы юности, не знаю
Бездонныхъ чаръ твоей души . . .
Порой, какъ прежде, различаю
Пѣснь соловья въ твоей глуши . . .

И много чаръ, и много пѣсенъ,
И древнихъ ликовъ красоты . . .
Твой міръ, поистинѣ, чудесенъ!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищій, жесткій,
Въ часъ утра встрѣтившій зарю,
Теперь на пыльномъ перекресткѣ
На царскій поѣздъ твой смотрю.

1912

★

АННЪ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна», Вамъ скажутъ —
Вы накинете лѣниво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розанъ — въ волосахъ.

«Красота проста», Вамъ скажутъ —
Пестрой шалью неумѣло
Вы укроете ребенка,
Красный розанъ — на полу.

Но, разсѣяннo внимая
Всѣмъ словамъ, кругомъ звучащимъ,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не такъ страшна, чтобъ просто
Убивать; не такъ проста я,
Чтобъ не знать, какъ жизнь страшна».

1913

✱

И вновь — порывы юныхъ дѣтъ,
И взрывы силъ, и крайность мнѣній . . .
Но счастья не было — и нѣтъ.
Хоть въ этомъ больше нѣтъ сомнѣній!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегаютъ всюду.
Но если выйдешь цѣлъ — тогда
Ты, наконецъ, повѣришь чуду,

И, наконецъ, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полъ-жизни не хватило.

Что черезъ край перелилась
Восторга творческаго чаша,
И все ужъ не мое, а наше,
И съ міромъ утвердилась связь, —

И только съ нѣжною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О дѣтской той мечтѣ, о зыбкой,
Что счастьемъ привыкли звать!

1912

*

ХУДОЖНИКЪ

Въ жаркое лѣто и въ зиму метельную,
Въ дни вашихъ свадебъ, торжествъ, похоронъ,
Жду, чтобъ спугнулъ мою скуку смертельную
Легкій, доселѣ неслышанный звонъ.

Вотъ онъ — возникъ. И съ холоднымъ вниманіемъ
Жду, чтобъ понять, закрѣпить и убить.
И передъ зоркимъ моимъ ожиданіемъ
Тянетъ онъ еле примѣтную нить.

Съ моря ли вихрь? Или сирины райскіе
Въ листьяхъ поютъ? Или время стоитъ?
Или осыпали яблони майскія
Снѣжный свой цвѣтъ? Или ангелъ летитъ?

Длятся часы, міровое несущіе.
Ширятся звуки, движеніе и свѣтъ.
Прошрое страстно глядится въ грядущее.
Нѣтъ настоящаго. Жалкаго — нѣтъ.

И, наконецъ, у предѣла зачатія
Новой души, неизвѣданныхъ силъ, —
Душу сражаетъ, какъ громомъ, проклятіе:
Творческій разумъ осилилъ — убилъ.

И замыкаю я въ клѣтку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотѣвшую смерть унести,
Птицу, летѣвшую душу спасти.

Вотъ моя клѣтка — стальная, тяжелая,
Какъ золотая, въ вечернемъ огнѣ.
Вотъ моя птица, когда-то веселая,
Обручъ качаетъ, поетъ на окнѣ.

Крылья подрѣзаны, пѣсни заучены.
Любите вы подѣ окномъ постоять?
Пѣсни вамъ нравятся. Я же, измученный,
Новаго жду — и скучаю опять.

1913

*

О, нѣтъ! не расколдуешь сердца ты
Ни лестію, ни красотой, ни словомъ.
Я буду для тебя чужимъ и новымъ,
Все призракъ, все мертвецъ, въ лучахъ мечты.

И ты уйдешь. И нѣкій саванъ бѣлый
Прижмешь къ губамъ ты, пребывая въ снахъ.
Все будетъ сномъ: что ты хоронишь тѣло,
Что ты стоишь три ночи въ головахъ.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбѣ.
Украсишь ты нѣжнѣйшими цвѣтами
Могильный холмъ, приснившійся тебѣ.

И тѣнь моя пройдетъ передъ тобою
Въ девятый день, и въ день сороковой
Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой вѣдь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасить время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не тѣми . . .
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И онъ придетъ, знакомый, долгожданный,
Тебя будить отъ *неземного* сна.
И въ міръ другой, на мигъ благоуханный,
Тебя умчитъ послѣдняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
Въ тотъ день, когда придетъ твой новый другъ,
Въ тотъ самый мигъ, когда твой смѣхъ жемчужный
Ему расскажетъ, что прошелъ *недугъ*.

Забудешь ты мою могилу, имя . . .
И вдругъ — очнешься: пусто; нѣтъ огня;
И въ этотъ часъ, подъ ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Какъ изступленно ты протянешь руки
Въ глухую ночь, о, бѣдная моя!
Увы! Не долетаютъ жизни звуки
Къ утѣшеннымъ весной небытія.

Ты проклянешь, въ мученьяхъ невозможныхъ,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть отвѣтъ въ моихъ стихахъ тревожныхъ:
Ихъ тайный жаръ тебѣ поможетъ жить.

1913

★

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я извѣдала всѣ муки,
Мечтала жадно о концѣ . . .
Но нѣтъ! Остановились руки,
Живу — съ печалью на лицѣ . . .

Весной по кладбищу бродила
И ходмикъ маленькій нашла.
Пусть неизвѣстная могила
Узнаетъ все, чѣмъ я жила!

Я принесла цвѣтовъ любимыхъ
Къ могилѣ на закатѣ дня . . .
Но кто-то ходить, ходить мимо
И взглядываетъ на меня.

И этотъ взглядъ случайно встрѣтя,
Я въ немъ вниманіе прочла . . .
Нѣтъ, я одна на цѣломъ свѣтѣ! . . .
Я отвернулась и прошла.

Или мой видъ внушаетъ жалость?
Или понравилась ему
Лица печальнаго усталость?
Иль просто скучно — одному? . . .

Нѣтъ, лучше я глаза закрою:
Онъ строенъ, онъ печаленъ; пусть
Не ляжетъ между нимъ и мною
Соединяющая грусть . . .

Но чувствую: онъ за плечами
Стоитъ, онъ подошелъ въ упоръ . . .
Ему я гнѣвными рѣчами
Уже готовлюсь дать отпоръ, —

И вдругъ, съ мучительнымъ усильемъ,
Чуть слышно произносить онъ:
— О, не пугайтесь. Здѣсь въ могилѣ
— Ребенокъ мой похороненъ.

Я извинилась, выражая
Печаль наклономъ головы;
А онъ, цвѣты передавая,
Сказалъ: — Букетъ забыли вы.

— Цвѣты я въ память встрѣчи съ вами
— Ребенку вашему отдамъ . . .
Онъ, холодно пожавъ плечами,
Сказалъ: — Они нужныѣ вамъ.

Да, я винюсь въ своей ошибкѣ,
Но . . . не прощу до смерти (нѣтъ!)
Той снисходительной улыбки,
Съ которой онъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ!

*

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ

Что же ты потупилась въ смущеньи?
Погляди, какъ прежде, на меня.
Вотъ какой ты стала — въ униженьи,
Въ рѣзкомъ, неподкупномъ свѣтѣ дня!

Я и самъ вѣдь не такой — не прежній,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрѣй и безнадежнѣй
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имѣю права,
Я тебя не въ силахъ упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многимъ женщинамъ сужденный путь.

Но вѣдь я немного по-другому,
Чѣмъ иные, знаю жизнь твою,
Болѣе, чѣмъ судьямъ, мнѣ знакомо,
Какъ ты очутилась на краю.

Вмѣстѣ вѣдь по краю, было время,
Насъ водила пагубная страсть,
Мы хотѣли вмѣстѣ сбросить бремя
И летѣть, чтобы потомъ упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догоримъ мы вмѣстѣ — ты и я,
Что дано, въ объятяхъ умирая,
Увидать блаженные края . . .

Что же дѣлать, если обманула
Та мечта, какъ всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до насъ ей, жизни торопливой,
И мечта права, что намъ лгала. —
Всетаки когда-нибудь счастливой
Развѣ ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Развѣ не отъ стараго огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

1915

✱

АНТВЕРПЕНЪ

Пусть это время далеко,
Антверпенъ! — И за моремъ крови
Ты памятенъ мнѣ глубоко . . .
Рѣчной туманъ ползеть съ верховій
Широкой, какъ Нева, Эско.

И надъ спокойною рѣкой
Въ туманѣ тепломъ и глубокомъ,
Какъ взоръ фламандки молодой,
Нѣтъ счета мачтамъ, верфямъ, докамъ,
И пахнетъ снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
Въ широко стелющемся дымѣ
Ужъ якоря готовъ отдать
Тяжелый двухмачтовый стимеръ:
Ему на Конго курсъ держать . . .

А ты — во мглу вѣковъ глядись
Въ спокойномъ городскомъ музеѣ:
Тамъ царствуетъ Квентинъ Массисъ;
Тамъ въ складки платья Саломеи
Цвѣты изъ золота впелись . . .

Но все — притворство, все — обманъ:
Взгляни наверхъ . . . Въ клочкѣ лазури,
Мелькающемъ черезъ туманъ,
Увидишь ты предвѣстье бури —
Кружащійся аэропланъ.

1914

✱

Похоронять, зароютъ глубоко,
Бѣдный холмикъ травой порастетъ,
И услышимъ: далеко, высоко,
На землѣ гдѣ-то дождикъ идетъ.

Ни о чемъ ужъ мы больше не спросимъ,
Пробудясь отъ лѣниваго сна.
Знаемъ: если не громко — тамъ осень,
Если бурно — тамъ значить весна.

Хорошо, что въ дремотные звуки
Не вступаютъ восторгъ и тоска,
Что отъ муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здѣсь, пожалуй, надумаемъ мы,
Что подъ жизнью безпутной и путной
Разумѣли людскіе умы.

✱

На улицѣ — дождикъ и слякоть,
Не знаешь, о чемъ горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы дѣвать.

Глухая тоска безъ причины
И думъ неотвязный угаръ.
Давай-ка, наколемъ лучины,
Раздуемъ себѣ самоваръ!

Авось, хоть за чайнымъ похмельемъ
Ворчливья рѣчи мои
Затеплятъ случайнымъ весельемъ
Сонливья очи твои.

За вѣрность старинному чину!
За то, чтобы жить, не спѣша!
Авось, и распарить кручину
Хлебнувшая чаю душа!

*

Ты твердишь, что я холоденъ, замкнуть и сухъ,
Да, такимъ я и буду съ тобой:
Не для ласковыхъ словъ я выковывалъ духъ,
Не для дружбъ я боролся съ судьбой.

Ты и самъ былъ когда то мрачнѣй и смѣлѣй,
По звѣздамъ прочитатъ ты умѣлъ,
Что грядущія ночи — темнѣй и темнѣй,
Что ночамъ неизвѣстенъ предѣлъ.

Вотъ — свершилось. Весь міръ одичалъ, и окрестъ
Ни одинъ не мерцаетъ маякъ.
И тому, кто не понялъ вѣщанія звѣздъ, —
Нестерпимъ окружающій мракъ.

И у тѣхъ, кто не зналъ, что прошедшее есть,
Что грядущаго ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста . . .

Было время надежды и вѣры большой —
Былъ я простъ и довѣрчивъ, какъ ты.
Шелъ я къ людямъ съ открытой и дѣтской душой,
Не пугаясь людской клеветы . . .

А теперь — тѣхъ надеждъ не отыщешь слѣда,
Все къ далекимъ звѣздамъ унеслось,
И, къ кому шелъ съ открытой душою тогда,
Отъ того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволненьямъ отдаться спѣша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сторгѣла она, та душа.

И осталась — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый ротъ и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звѣриную страсть . . .

Не стучись же напрасно у плотныхъ дверей,
Тщетнымъ стономъ себя не томи:
Ты не встрѣтишь участя у бѣдныхъ звѣрей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — желѣзною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священнымъ гробамъ,
Охраняя желѣзомъ до времени рай,
Недоступный безумнымъ рабамъ.

1916

*

АРФЫ И СЕРИШКИ

(1908 — 1916)

Свирѣль запѣла на мосту,
И яблони въ цвѣту.
И ангелъ поднялъ въ высоту
Звѣзду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотрѣть въ такую глубину,
Въ такую высоту.

Свирѣль поетъ: взошла звѣзда,
Пастухъ, гони стада . . .
И подъ мостомъ поетъ вода:
Смотри, какія быстрыны,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видѣлъ никогда . . .
Такой глубокой тишины
Не слышалъ никогда . . .

Смотри, какія быстрыны,
Когда ты видѣлъ эти сны? . . .

✱

Душа! Когда устанешь вѣрить?
Весна, весна! Она томна,
Какъ тайна пріоткрытой двери
Въ кумирню золотого сна . . .

Едва, подругу покидая,
Ушелъ я въ тишину и тѣнь,
И вотъ опять — зоветъ другая,
Другая вызываетъ день . . .

Но мглой весеннею повито
Все, что кипѣло здѣсь въ груди . . .
Не пой, не требуй, Маргарита,
Въ мое ты сердце не гляди . . .

*

И я любилъ. И я извѣдалъ
Безумный хмель любовныхъ мукъ,
И пораженья, и побѣды,
И имя: *врагъ*; и слово: *другъ*.

Ихъ было много . . . Что я знаю?
Воспоминанья, тѣни сна . . .
Я только странно повторяю
Ихъ золотыя имена.

Ихъ было много. Но одною
Чертой соединилъ ихъ я,
Одной безумной красотою,
Чье имя: *страсть* и *жизнь* моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь надъ землей,
Я видѣлъ, какъ идетъ другая
На ложе страсти роковой . . .

И тѣ же ласки, тѣ же рѣчи,
Постылый трепетъ жадныхъ устъ,
И примелькавшіяся плечи . . .
Нѣтъ! Міръ безстрастенъ, чистъ и пустъ!

И, наполняя грудь весельемъ,
Съ вершины самыхъ снѣжныхъ скалъ
Я шлю лавину тѣмъ ущельямъ,
Гдѣ я любилъ и цѣловалъ!

★

Вл. Пясту

Май жестокій съ бѣлыми ночами!
Вѣчный стукъ въ ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвѣстность, гибель впереди!
Женщины съ безумными очами,
Съ вѣчно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
Отъ страстей моихъ освободи!

Хорошо въ лугу широкимъ кругомъ
Въ хороводѣ пламенномъ пройти,
Пить вино, смѣяться съ милымъ другомъ
И вѣнки узорные плести,
Раздарить цвѣты чужимъ подругамъ,
Страстью, грустью, счастьемъ изойти, —
Но достойнѣй за тяжелымъ плугомъ
Въ свѣжихъ росахъ по утру итти!

★

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1

Все помнить о веслѣ вздыхающемъ
Мое блаженное плечо . . .
Подъ этимъ взоромъ убѣгающимъ
Не могъ я вспомнить ни о чемъ . . .

Твои движенія несмѣлыя,
Невѣрный поворотъ руля . . .
И уходящій въ ночи бѣлыя
Невѣрный призракъ корабля . . .

И въ ясномъ морѣ утопающій
Печальный станъ рыбацкихъ шхунъ . . .
И въ золотѣ восходномъ тающій
Безцѣльный путь, безцѣльный выюнъ . . .

2

Черный воронъ въ сумракѣ снѣжномъ,
Черный бархатъ на смуглыхъ плечахъ.
Томный голосъ пѣніемъ нѣжнымъ
Мнѣ поетъ о южныхъ ночахъ.

Въ легкомъ сердцѣ — страсть и безпечность,
Словно съ моря мнѣ поданъ знакъ.
Надъ бездоннымъ проваломъ въ вѣчность,
Задыхаясь, летитъ рысакъ.

Снѣжный вѣтеръ, твое дыханье,
Опьяненные губы мои . . .
Валентина, звѣзда, мечтанье!
Какъ поютъ твои соловьи . . .

Страшный міръ! Онъ для сердца тѣсенъ!
Въ немъ — твоихъ поцѣлуевъ бредъ,
Темный морокъ цыганскихъ пѣсенъ,
Торопливый полетъ кометъ!

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархатъ и губы въ огнѣ,
Но стоишь за плечами твоими
Иногда неизвѣстное мнѣ.

И ложится упорная гнѣвность
У меня межъ бровей на челѣ:
Она жжетъ меня, черная ревность
По твоей незнакомой землѣ.

И готовый на новыя муки,
Вспоминаю тѣ вьюги, снѣга,
Твои дикія слабыя руки,
Бормотаній твоихъ жемчуга.

★

ВСТРѢЧНОЙ

Я только рыцарь и поэтъ,
Потомокъ сѣвернаго скальда.
А мужъ твой носить томикъ Уайльда,
Шотландскій плэдъ, цвѣтной жилетъ . . .
Твой мужъ — презрительный эстетъ.

Не потому ль насмѣшливъ онъ,
Что подозрителенъ безъ мѣры?
Слѣдить, кому отдашь поклонъ . . .
А я . . . что мнѣ его химеры!
Сегодня я въ тебя влюбленъ!

Ты вѣроломствомъ, лестью, ложью,
Какъ ризами, облечена . . .
Скажи мнѣ, вѣрная жена,
Дрожала ль ты завѣтной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этотъ сонный,
Ревнивый и смѣшной супругъ
Шепталъ тебѣ: поѣдемъ, другъ . . .
Тебя закутавъ въ плэдъ зеленый
Отъ зимнихъ петербургскихъ вьюгъ?

И неужели послѣ бала
Твой не лукавилъ томный взглядъ,
Когда воздушный свой нарядъ
Ты съ плечъ покатыхъ опускала,
Извѣдавъ танца легкій ядъ?

★

МЭРИ

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухомъ свѣтлыхъ перій
Овѣяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горитъ на склонѣ дня.

Опять затепли свѣчи,
Укрась мое жилище,
Пусть будутъ тѣ же рѣчи
Про вольное житье,
Твои высокія плечи,
Безуміе мое!

Послѣдней страсти ярость,
Въ тебѣ величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти вѣсть . . .
О, зрѣлой страсти ярость,
Тебя не перенести!

2

Жениха къ послѣдней двери
Проводивъ,
О нежданной потерѣ
Погрустивъ,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотритъ на дорогу,

Звѣзды раннія зажглись,
Мэри смотреть ввысь.

Вонъ о той звѣздѣ далекой,
Мэри, спой.

Спой о жизни одиноко прожитой . . .
Спой о томъ, что не свершилъ онъ,
Для чего отъ насъ спѣшилъ онъ
Въ незнакомый, тихій край,
Въ пѣсняхъ, Мэри, вспоминай . . .

Тихо пой у старой двери,
Нѣжной пѣспѣ мы повѣримъ,
Погрустимъ съ тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И разсыпалась грусть
Жемчугами . . .
Мы о Мэри твердимъ наизусть
Золотыми стихами . . .

Мы о Мэри грустимъ и поемъ,
А вверху, въ водоемѣ Твоемъ,
Тихій Господи,
И не счесть свѣтлыхъ росъ,
Не заплестъ желтыхъ косъ
Тучки утренней.

*

Усните блаженно, заморскіе гости, усните,
Забудьте, что въ клѣткѣ, гдѣ бьемся, темнѣй и
темнѣе . . .

Что падаютъ звѣзды, чертя серебристыя нити,
Что пляшутъ въ стаканѣ вина золотистыя змѣи...

Когда эти нити соткутся въ блестящую сѣтку
И винныя змѣи сплетутся въ одну безконечность,
Поднимутъ, закрутятъ и бросятъ ненужную
клѣтку,
Въ бездонную пропасть, въ какую-то синюю
вѣчность.

★

Я пригвожденъ къ трактирной стойкѣ.
Я пьянъ давно. Мнѣ все — равно.
Вонъ счастье мое — на тройкѣ
Въ сребристый дымъ унесено . . .

Летить на тройкѣ, потонуло
Въ снѣгу время, въ дали вѣковъ . . .
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой изъ-подъ подковъ . . .

Въ глухую темень искры мечеть,
Отъ искръ всю ночь, всю ночь свѣтло . . .
Бубенчикъ подъ дугой лепечеть
О томъ, что счастье прошло . . .

И только сбруя золотая
Всю ночь видна . . . Всю ночь слышна . . .
А ты, душа . . . душа глухая . . .
Пьянымъ пьяна . . . пьянымъ пьяна . . .

✱

Не затѣмъ величалъ я себя паладиномъ,
Не затѣмъ вѣдь и ты приходила ко мнѣ,
Чтобы только рыдать надъ потухшимъ каминомъ,
Чтобы только плясать при умершемъ огнѣ!

Или счастье вправду невѣрно и быстро?
Или вправду я слабъ уже, боленъ и старъ?
Нѣтъ! Въ золѣ еще бродятъ послѣднія искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнулъ пожаръ!

★

Часовая стрѣлка близится къ полночи.
Свѣтлою волною всколыхнулись свѣчи.
Темною волною всколыхнулись думы.
Съ Новымъ Годомъ, сердце! Я люблю васъ тайно,
Вечера глухіе, улицы нѣмья.
Я люблю васъ тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догорѣвшей.

✱

Старинныя розы
Несу, одинокъ,
Въ снѣга и въ морозы,
И путь мой далекъ.
И той же тропою,
Съ мечемъ на плечѣ,
Идетъ онъ за мною
Въ туманномъ плащѣ.
Идетъ онъ и знаетъ,
Что снѣгъ уже смятъ,
Что тамъ догораетъ
Послѣдній закатъ,
Что нѣтъ мнѣ исхода
Всю ночь напролетъ,
Что больше свобода
За мной не поидетъ.
И гдѣ, запоздалый,
Сыщу я ночлегъ?
Лишь розы на талый
Падаютъ снѣгъ,
Лишь слезы на алый
Падаютъ снѣгъ.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Онъ розы безцѣльно
Затопчетъ въ снѣгу.

✱

Уже надъ моремъ вечерѣть,
Ужъ ты мечтой меня томишь,
И съ полуночи вѣтеръ вѣть
Черезъ неласковый камышъ.

Огни на мачтахъ зажигаю,
Уходятъ въ море корабли,
А ты, ночная, ты земная,
Опять уносишь отъ земли.

Ты вся плѣнительна и лжива,
Вся — въ отступающихъ огняхъ,
Во мглѣ вечерняго залива,
Въ легко туманныхъ пеленахъ,

Позволь и мнѣ огонь прибрежный
Тебѣ навстрѣчу развести,
Въ вѣнокъ страстной и неизбѣжный —
Цвѣтокъ влюбленности вплести . . .

Обѣтованіе неложно:
Передо мною — ты опять.
Душѣ влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.

*

Все бѣ тебѣ желать веселья,
Сердце, золото мое!
Отъ похмелья до похмелья,
Отъ приволья вновь къ приволью —
Безпечальное житье!

Но низка земная келья,
Блѣдно золото твое!
Въ часъ разгульнаго веселья
Вдругъ намашетъ страстной болью,
Чернымъ крыльемъ воронье!

Все размученъ я тобою,
Подколотная змѣя!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься въ дальніе края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрикъ воронья!

✱

Я не зналъ тебя — сама ты

Подошла.

Каждый вечеръ — запахъ мяты,

Мѣсяць узкій и щербатый,

Тишь и мгла.

Словно мѣсяць всталъ изъ далей,

Ты пришла

Въ ткани легкой, безъ сандалій,

За плечами трепетали

Два крыла.

На травѣ, едва примятой,

Легкій слѣдъ.

Свѣжій запахъ дикой мяты,

Неживой голубоватый

Ночи свѣтъ.

И живу съ тобою рядомъ,

Какъ во снѣ.

И живу подъ блѣднымъ взглядомъ

Долгой ночи.

Словно мѣсяць тамъ, надъ садомъ,

Смотрить въ очи

Тишинѣ.

*

Грустя и плача и смѣясь,
Звенять ручки моихъ стиховъ .
 У ногъ твоихъ,
 И каждый стихъ
Бѣжить, плететь живую вязь,
Своихъ не зная береговъ.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мнѣ, какъ была . . .
Поютъ и плачутъ хрустали . . .
Какъ мнѣ создать черты твои,
Чтобъ ты прійти ко мнѣ могла
Изъ очарованной дали?

✱

Опустись, занавѣска динялая,
На больныя герани мои,
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степнымъ ковылемъ!
Ты ли, жизнь, мою сонъ непробудную
Зеленымъ отравляла виномъ!

Какъ цыганка платками узорными,
Разстилалася ты предо мной,
Ой-ли косами изсиня-черными,
Ой-ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мнѣ въ шопотѣ, въ забыти
Неземныя-ль какія слова?
Самъ не свой только былъ я, безъ памяти,
И ходила кругомъ голова . . .

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звѣзды, ни пути . . .
И кого цѣловалъ — не моя вина,
Ты, кому обѣщался, — прости . . .

✱

Мой милый, будь смѣлымъ
И будешь со мной.

Я вишеньемъ бѣлымъ
Качнусь надъ тобой.

Зеленой звѣздою
Съ востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь надъ ручьемъ,

Намъ вольно, намъ больно,
Намъ сладко вдвоемъ.

Намъ въ темныя ночи
Легко умереть

И въ мертвыя очи
Другъ другу глядѣть.

✱

Не вѣнчалъ мою голову траурный лавръ
Въ эти годы шировъ и скорбей.
Праздный слухъ былъ исполненъ громами литавръ,
Сердце — музыкой буйныхъ страстей.

Свѣтлой ангельской лжи не знавалъ я отравъ,
Не бродилъ средь божественныхъ чащъ.
Сонъ мой длился вѣка, всѣ видѣнья собравъ
Въ свой широкій, полунощный плащъ.

И когда вамъ мерцаетъ обманчивый свѣтъ,
Знайте — вновь онъ совьется во тьму.
Беззакатнаго дня, легковѣрные, нѣтъ.
Я ночного плаща не сниму.

★

Покойникъ спать ложится
На бѣлую постель.
Въ окнѣ легко кружится
Спокойная метель.
Пуховымъ вѣтромъ мчится
На снѣжную постель.

Снѣжинокъ легкій пухъ
Куда летить, куда?
Прошли, прошли года,
Прости, безсмертный духъ,
Мятежный взоръ и слухъ!
Настало *никогда* . . .

И отдыхъ, милый отдыхъ
Легко прильнулъ ко мнѣ.
И воздухъ, вольный воздухъ
Вдохнулъ на простынѣ.
Прости, крылатый духъ!
Лети, безсмертный пухъ!

✱

Ужъ вечеръ свѣтлой полосою
На хладныхъ рельсахъ догоралъ.
Ты, стройная, съ тугой косою
Прошла по чернымъ пятнамъ шпалъ.
Твой быстрый взоръ огнемъ докучнымъ
Меня обжогъ и ослѣпилъ.
Мгновенье . . . громомъ однозвучнымъ
Насъ черный поѣздъ раздѣлилъ . . .
Когда же чуть дрожащимъ звономъ
Пропѣли рельсы: не забудь,
И семафоръ огнемъ зеленымъ
Мнѣ указалъ свободный путь, —
Ужъ ты далеко уходила,
Уже теряла цвѣтъ трава . . .
Тамъ пыль взвилась, тамъ ночь вступила
Въ свои туманныя права . . .
Тревожный свистъ и клубы дыма
За поворотомъ на горѣ . . .
Напрасный мигъ, проплывшій мимо . . .
Огонь зеленый на зарѣ.

✱

Здѣсь въ сумерки въ концѣ зимы
Она, да я — лишь двѣ души.
— Останься, дай посмотримъ мы,
— Какъ мѣсяцъ канетъ въ камыши.
Но въ легкомъ свистѣ камыша,
Подъ налетѣвшимъ вѣтеркомъ,
Прозрачнымъ синенькимъ ледкомъ
Подернулась ея душа . . .
Ушла — и нѣтъ другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля . . .
Остались: мѣсяцъ, камыши,
Да горькій запахъ миндаля.

✱

ЧЕРЕЗЪ ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

К. М. С.

1

Все та же озерная гладь,
Все такъ же каплетъ соль съ градиренъ.
Теперь, когда ты старъ и миренъ,
О чемъ волнуешься опять?

Иль первой страсти юный геній
Еще съ душой неразлученъ,
И ты навѣки обрученъ
Той давней, незабвенной тѣни?

Ты позови — она придетъ:
Мелькнетъ, какъ прежде, профиль важный,
И голосъ, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалыя шепнетъ.

2

Въ темномъ паркѣ подъ ольхой
Въ часъ полуночи глухой

Бѣлый лебедь отъ весла
Спряталъ голову въ крыла.

Весь я — память, весь я — слухъ,
Ты со мной, печальный духъ,

Знаю, вижу — вотъ твой слѣдъ,
Смытый бурей столькихъ лѣтъ.

Въ тѣняхъ траурной ольхи
Сладко дышать мнѣ духи,

Въ листьяхъ матовыхъ шурша,
Шелестить еще душа,

Но за бурей страстныхъ лѣтъ —
Все, какъ призракъ, все, какъ бредъ,

Все, что было, все прошло,
Въ прудовой туманъ ушло.

3

Когда мучительно возстали
Передо мной дѣла и дни,
И сномъ глубокимъ отъ печали
Забылся я въ лѣсной тѣни, —

Не зналъ я, что въ *лѣсу дѣвичьемъ*
Проходить память прежнихъ дней,
И, пробудясь въ игрѣ тѣней,
Услышалъ ясно въ пѣньи птичьемъ:

— Внимай страстямъ, и вѣрь, и вѣрь,
— Зови ихъ всеѣми голосами,
— Стучись полночными часами
— Въ блаженства замкнутую дверь!

Синеокая, Богъ тебя создалъ такой.
Геній первой любви надо мной,

Всталъ онъ тихій, дождями омытый,
Запѣваетъ осой ядовитой,

Разметаешь онъ прошлаго слѣдъ,
Ему легкаго имени нѣтъ,

Вижу снова я тонкія руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И въ глубокую глазъ синеvu
Погружаюсь опять паяву.

Bad Nauheim 1897—1909.

Бываютъ тихія минуты:
Узоръ морозный на стеклѣ;
Мечта невольно льнетъ къ чему-то,
Скучая въ комнатномъ теплѣ . . .

И вдругъ — туманъ сырого сада,
Желѣзный мостъ черезъ ручей,
Вся въ розахъ сѣрая ограда,
И синій, синій плѣнь очей . . .

О чемъ-то шепчущія струи,
Кружающаяся голова . . .
Твои, хохлушка, поцѣлуи,
Твои гортанные слова . . .

Въ тихій вечеръ мы встрѣчались
 (Сердце помнитъ эти сны).
 Деревя едва вѣнчались
 Первой зеленью весны.

Яснымъ заревомъ алѣя,
 Уводила вдоль пруда
 Эта узкая аллея
 Въ сны и тѣни навсегда.

Эта юность, эта нѣжность —
 Что для насъ она была?
 Всѣхъ стиховъ моихъ мятежность
 Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
 Сердце помнитъ долгій срокъ,
 Поздній вечеръ надъ прудами,
 Раздушенный вашъ платокъ.

Елагинъ островъ

Уже померкла ясность взора,
 И скрипка подъ смычекъ легла,
 И злая воля дирижера
 По арфамъ вѣтеръ пронесла . . .

Твой очеркъ страстный, очеркъ дымный
 Сквозь сумракъ ложи плыть ко мнѣ.
 И теноръ пѣлъ на сценѣ гимны
 Безумнымъ скрипкамъ и веснѣ . . .

Когда внезапно вздохъ недалный,
Домчавшись, кровь оледенилъ,
И кто-то бѣдный и печальный
Мнѣ къ сердцу руку прислонилъ . . .

Когда въ гаданьи, еле зримый,
Всталъ предо мной, какъ рѣдкій дымъ,
Тотъ призракъ, тотъ непобѣдимый . . .
И арфы спѣли: *улетимъ*.

8

Все, что память сберечь мнѣ старается,
Пропадаетъ въ безумныхъ годахъ,
Но горящимъ зигзагомъ взвивается
Эта повѣсть въ ночныхъ небесахъ.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Какъ безцѣнный ларецъ перевязана
Накрестъ лентою алой, какъ кровь.

И когда въ тишинѣ моей горницы
Подъ лампадой томлюсь отъ обидъ,
Синій призракъ умершей любовницы
Надъ кадиломъ мечтаній сквозитъ.

✱

УТРО ВЪ МОСКВѢ

Упоительно встать въ ранній часъ,
Легкій слѣдъ на песокъ увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя.
И прозрачная нѣжность Кремля
Въ это утро, какъ прелесть твоя.

✱

Какъ прощались, страстно клялись
Въ вѣрности любви . . .
Вмѣстѣ Таинъ приобщались,
Пѣли соловьи . . .

Взялъ гитару на прощанье
И у струнъ исторгъ
Всѣ признанья, обѣщанья,
Всей души восторгъ . . .

Да тоска заполонила,
Порвалась струна . . .
Не звала бѣ, да не манила
Дальняя сторона!

Вспоминай же, ради Бога,
Вспоминай меня,
Какъ сѣдой туманъ изъ лога
Встанетъ до плетня . . .

*

Все на землѣ умереть — и мать, и младость,
Жена измѣнить и покинетъ другъ.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь въ холодный и полярный кругъ.

Бери свой челнъ, плыви на дальній полюсъ
Въ стѣнахъ изъ льда — и тихо забывай,
Какъ тамъ любили, гибли и боролись . . .
И забывай страстей бывалый край.

И къ вздрагиваньямъ медленнаго хлада
Усталую ты душу пріучи,
Чтобъ было *здѣсь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

*

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайній полюсь, въ мертвый край.
Не вѣрили. Не ждали. Точно
Не таялъ снѣгъ, не вѣялъ май.

Не вѣрили. А голосъ юный
Намъ пѣлъ и плакалъ о веснѣ,
Какъ будто вѣтеръ тронулъ струны
Тамъ, въ незнакомой вышинѣ,

Какъ будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачутъ сѣрафимы,
Надъ міромъ расплескавъ крыла . . .

Но было тихо въ нашемъ склепѣ,
И полюсь — въ хладномъ серебрѣ.
Ушла. Отъ всѣхъ великолѣпій —
Вотъ только: крылья на зарѣ.

Что въ ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала отъ насъ?
Не знаемъ. Умеръ вешній голосъ,
Погасли звѣзды синихъ глазъ.

Да, слѣпы люди, низки тучи . . .
И гдѣ намъ вѣдать торжества?
Залегъ здѣсь камень бѣль-горючій,
Растетъ у ногъ плакунъ-трава . . .

Такъ спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой . . .
Теперь ты съ нею — съ величавой,
Съ несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризнѣ?
Что можемъ знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятнѣй жизни,
Хоть погребальный факель — въ ночь...

Пускай хоть въ небѣ — Вѣра съ нами.
Смотри сквозь тучи: тамъ она —
Развернутое вѣтромъ знамя,
Обѣтованная весна.

Февраль 1910

★

ГОЛОСА СКРИПОКЪ

Евг. Иванову

Изъ длинныхъ травъ встаетъ луна
Щитомъ краснѣющимъ героя,
И буйной музыки водна
Плеснула въ море заревое.

Зачѣмъ же въ ясный часъ торжество
Ты злишься, мой смычокъ визгливый,
Врываясь въ міровой оркестръ
Отдѣльной пѣсней торопливой?

Учись вниманью длинныхъ травъ,
Разлейся въ морѣ зорь безцѣльныхъ,
Протяжный голосъ свой пошлавъ
Въ отчизну скрипокъ запредѣльныхъ.

×

НА ПАСХЪ

Въ сапогахъ бутылками,
Квасомъ припомаженъ,
Съ новою гармоникой
Стоить подъ крыльцомъ.

На крыльцѣ вертявая,
Фартучекъ съ кружевцомъ,
Каблучки постукиваютъ,
Румяная лицомъ.

Ангелъ мой, барышня,
Что же ты смѣешься,
Ангелъ мой, барышня,
Дай поцѣловать!

Вотъ еще, стану я,
Мужикъ неумытый,
Стану я, бѣленькая,
Тебя цѣловать!

*

Когда-то гордый и надменный,
Теперь съ цыганкой я въ раю,
И вотъ — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится плясъ ужасный,
И жизнь проходитъ предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой . . .

То кружится, закинувъ руки,
То поподзеть змѣей, — и вдругъ
Вся замерла въ истомѣ скуки,
И бубень падаетъ изъ рукъ . . .

О, какъ я былъ богатъ когда-то,
Да все — не стоитъ пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

*

Гдѣ отдается въ длинныхъ залахъ
Безумныхъ троекъ тихій летъ,
Гдѣ вина теплятся въ бокалахъ, —
Тамъ возникаетъ хороводъ.

Шурша, звеня, вѣясь, бѣлѣя,
Идутъ по медленнымъ кругамъ:
И скрипки, тая и слабѣя,
Сдаются бѣшенымъ смычкамъ.

Одна выходитъ прочь изъ круга,
Простерши руку въ полумглу;
Избравъ назначеннаго друга,
Цвѣтокъ роняетъ на полу.

Не поднимай цвѣтка: въ немъ сладость
Забвенья всѣхъ прошедшихъ дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей! . . .

Тамъ все — игра огня и рока,
И только въ горькій часъ обидъ
Изъ невозвратнаго далека
Печальный Ангелъ просквозитъ . . .

★

Сегодня ты на тройкѣ звонкой
Летишь, богачъ, гусаръ, поэтъ,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотритъ вслѣдъ . . .

Но жизнь — проѣзжая дорога,
Неладно, жутко на душѣ:
Здѣсь всякой праздной голи много
Остаться хочетъ въ барышѣ . . .

Ямщикъ — будь онъ въ поддевкѣ темной
Съ перомъ павлиньимъ напоказъ,
Будь онъ мечтой поэта скромной, —
Не упускай его изъ глазъ . . .

Задремлешь — и тебя въ дремотѣ
Онъ острымъ полоснетъ клинкомъ,
Иль на безлюдномъ поворотѣ
Къ верстѣ прикрутитъ кушакомъ,

И въ часъ, когда измѣнить воля,
Тебѣ мигнетъ издалика
Въ кустѣ темнѣющаго поля
Лишь бѣдный свѣтикъ свѣтляка . . .

*

Въ неувѣренномъ, зыбкомъ полетѣ
Ты надъ бездною взвился и повисъ.
Что-то древнее есть въ поворотѣ
Мертвыхъ крыльевъ, подогнутыхъ внизъ.

Какъ ты можешь летать и кружиться
Безъ любви, безъ души, безъ лица?
О, стальная, безстрастная птица,
Чѣмъ ты можешь прославить Творца?

Въ сѣрыхъ сферахъ летай и скитайся,
Пусть оркестръ на трибунѣ гремитъ,
Но подъ легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винтъ.

✱

Безъ слова мысль, волненье безъ названья,
Какой ты плешь мгѣ знакъ,
Вдругъ взбродивъ мгновенной молнѣй знанья
Глухой декабрьскій мракъ?

Все призракъ здѣсь — и правдность, и забота,
И горькіе года . . .
Чтобъ ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа . . . (когда? когда?)

Чтобъ ни было, всю ложь, всю мудрость вѣка,
Душа, забудь, оставь . . .
Снамъ бытія ты предпочла отвѣка
Несбыточную явь . . .

Чтобы сквозь сны бытійственныхъ метаній,
Сбивающихъ съ пути,
Со знаньемъ несказанныхъ очертаній,
Какъ съ факеломъ, пройти.

*

Вѣтръ налетитъ, завоюетъ снѣгъ,
И въ памяти на мигъ возникнетъ
Тотъ край, тотъ отдаленный берегъ . . .
Но цвѣтъ увялѣ, подъ снѣгомъ никнетъ . . .

И шелестятъ травой сухой
Мои старинныя болѣзни . . .
И ночь. И въ ночь — тропой глухой
Иду къ прикрытой снѣгомъ безднѣ . . .

Ночь, лѣсъ и снѣгъ. И я несу
Постылый грузъ воспоминаній . . .
Вдругъ — малый домикъ на полянѣ,
И дѣвочка поетъ въ лѣсу.

✱

Борису Садовскому

Шаръ раскаленный, золотой
Пошлетъ въ пространство лучъ огромный,
И длинный конусъ тѣни темной
Въ пространство броситъ шаръ другой.

Таковъ нашъ безначадный міръ.
Сей конусъ — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфиръ
Планета плавить золотая . . .

И мнѣ страшны, любовь моя,
Твои сіяющія очи:
Ужаснѣй дня, страшнѣе ночи
Сіяніе небытія.

✱

Сквозь сѣрый дымъ отъ краю и до краю
Багряный свѣтъ
Зоветь, зоветь къ несслыханному раю,
Но рая — нѣтъ.

О чемъ въ сей мглѣ безумной, красно-сѣрой
Колокола,
О чемъ гласять съ несбыточною вѣрой?
Вѣдь мгла — все мгла.

И чѣмъ онъ громче спорить съ мглою будней,
Сей праздный звонъ,
Тѣмъ кажется желѣзній, непробудный
Мой мертвый сонъ.

✱

Есть минуты, когда не тревожить
Роковая насъ жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положить,
Кто-то ясно заглянетъ въ глаза . . .

И мгновенно житейское канетъ,
Словно въ темную пропасть безъ дна . . .
И надъ пропастью медленно встанетъ
Семицвѣтной дугой тишина . . .

И напѣвъ заглушенный и юный
Въ затаенной затронетъ тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, какъ арфа, души.

✱

Болотистымъ, пустыннымъ лугомъ
Летимъ. Одни.
Вонъ, точно карты, полукругомъ
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картамъ ночи,
Гдѣ твой маякъ . . .
Еще смѣлѣй намъ хлынетъ въ очи
Неотвратимый мракъ.

Онъ моремъ ночью замкнуть — дальный
Просторъ луговъ!
И запахъ горькій и печальный
Тумановъ и духовъ,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгій видъ,
И эхо надъ пустыней звонкой
Отъ цоканья копытъ —

Все говорить о безпредѣльномъ.
Все хочетъ намъ помочь,
Какъ этотъ міръ, летѣть безцѣльно .
Въ сіяющую ночь!

✱

ИСПАНКЪ

Не лукавь же, себѣ признаваясь,
Что на мигъ ты былъ полонъ одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Передъ рѣдкой и сытой толпой . . .

Что была, какъ печаль величава
И безумна, какъ только печаль . . .
Заревая Господняя слава
Исполняла священную шаль . . .

И въ бедро уперлася рукою
И каблукъ застучалъ по мосткамъ,
Разноцвѣтныя ленты рѣкою
Буйно хлынули къ бѣлымъ чулкамъ . . .

Но, средъ танца волшебствъ и наитій,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримыя нити
Между рѣдкой толпой и собой,

Чтобъ невѣдомый сѣверу танецъ,
Крикъ Nandà и языкъ кастаньетъ
Понялъ только влюбленный испанецъ
Или видѣвшій Бога поэтъ.

*

Въ небѣ — день, всѣхъ ночей суевѣрнѣй,
Самъ не знаетъ, онъ — ночь или день.
На лицѣ у подруги вечерней
Золотится неясная тѣнь.

Но рыбаки эти сонныя струи
Не будилъ еще взмахомъ весла . . .
Огневые ея поцѣлуи
Говорятъ мнѣ, что ночь — не прошла . . .

Легкій вѣтеръ повѣялъ намъ въ очи . . .
Если можешь, костеръ потуши!
Потуши въ сумасшедшія ночи
Распылавшійся уголь души!

✱

Въ сыромъ ночномъ туманѣ
Все лѣсъ, да лѣсъ, да лѣсъ . . .
Въ глухомъ сыромъ бурьянѣ
Огонь блеснулъ — исчезъ . . .
Опять блеснулъ въ туманѣ,
И показалось мнѣ:
Изба, окно, герани
Алѣютъ на окнѣ . . .
Въ сыромъ ночномъ туманѣ
На красный блескъ огня,
На алыя герани
Направилъ я коня.
И вижу: въ свѣтѣ красномъ
Изба въ бурьянъ вросла,
Невѣдомо несчастнымъ
Быльемъ поросла . . .
И сладко въ очи глянулъ
Невѣдомый огонь,
И надъ бурьяномъ прынулъ
Испуганный мой конь . . .
«О, другъ, здѣсь цѣль не будешь,
«Скорѣй отсюда прочь!
«Доѣдешь — все забудешь,
«Забудешь — канешь въ ночь!
«Въ туманѣ, да въ бурьянѣ,
«Гляди, — продашь Христа
«За жадныя герани,
«За алыя уста»!

*

СЪДОЕ УТРО

Утро туманное, утро съдое . . .
Тургеневъ

Утрѣть. Съ Богомъ! По домамъ!
Позвякиваютъ колокольцы.
Ты хладно жмешь къ моимъ губамъ
Свои серебряныя кольца,
И я — который разъ подъ-рядъ —
Цѣлую кольца, а не руки . . .
Въ плечѣ, откинутомъ назадъ, —
Задоръ свободы и разлуки,
Но, еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной . . .
И взглядъ, какъ уголь подъ золой,
И голосъ утренній и скучный . . .
Нѣтъ, жизнь и счастье до утра
Я находилъ не въ этомъ взглядѣ!
Не этотъ голосъ пѣлъ вчера
Съ гитарой вмѣстѣ на эстрадѣ! . . .
Какъ мальчикъ, шаркнула; поклонъ
Отвѣшиваетъ . . . «До свиданья . . .»

И звякнулъ о браслетъ жетонъ
(Какое-то воспоминанье) . . .
Я, молча, на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли . . .
Вѣдь намъ ужъ не встрѣчаться болѣ . . .
Что-жъ на прощанье ей скажу? . . .
— Прощай, возьми еще колечко.
— Одѣнешь рученьку свою
— И смуглое свое сердечко
— Въ серебряную чешую . . .
— Лети, какъ пролетала, тая,
— Ночь огневая, ночь былая . . .
— Ты, время, память притуши,
— А путь снѣжкомъ запороши.

*

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется въ сердце вѣтеръ снѣжный,
И не спасетъ ни голосъ нѣжный,
Ни безмятежный часъ труда . . .

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — въ крови . . .
Тоскою, страстью, огневицей
Идетъ безуміе любви . . .

Поль-сердца — туча грозовая,
Подъ ней — все глушь, все нѣмота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, ужъ не та . . .

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всемъ другой послушна
Доселѣ гордая душа!

✱

Я вижу блескъ, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пѣнье,
Тотъ голосъ низкій и грудной,

Какимъ отвѣтила подруга
На первую любовь мою.
Его донинѣ узнаю
Въ тѣ дни, когда бушуетъ вьюга,

Когда былое безъ слѣда
Прошло, и лишь чужія страсти
Напоминають иногда,
Напоминають мнѣ — о счастья.

✱

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто разъ произнести: *люблю*.

Твой южный голосъ томень. Станъ
Напоминаетъ станъ газели,
А я пришелъ къ тебѣ изъ странъ,
Гдѣ вѣчный снѣгъ и вой метели.

Мнѣ страненъ вальса легкій звонъ
И душный облакъ надъ тобою.
Ты для меня — прекрасный сонъ,
Сквозящій пылью снѣговою . . .

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачѣмъ мнѣ имя?
Дай мнѣ тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блескъ, забытый мной,
Напоминающій напрасно
День улетѣвшій, день прекрасный,
Убитый ночью снѣговой.

✱

Вашъ взглядъ — его мнѣ подстеречь . . .
Но уклоняете вы взгляды . . .
Да? Взглядомъ — вы боитесь сжечь
Межъ нами вставшія преграды!

Когда же отойду подъ сѣнь
Колонны мраморной угрюмо,
И пожирающая дума
Мнѣ на лицо нагонитъ тѣнь,

Тогда — угрюмому скитальцу
Вослѣдъ скользнетъ вашъ бѣглый взглядъ,
Тревожно шелкъ зашевелить
Трепещущіе ваши пальцы,

Къ ланитамъ хлынувшую кровь
Не скроетъ море кружевъ душныхъ,
И я прочту въ очахъ послушныхъ
Уже ненужную любовь.

✱

Натянулись гитарныя струны,
Сердце ждеть.
Только тронь его голосомъ юнымъ —
Запоеть!

И старикъ передъ хоромъ
Уже топнуть ногой.
Обожги меня голосомъ, взоромъ.
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно въ серебрѣ смуглыя руки
Обвились . . .

Бредъ безумья и страсти,
Бредъ любви . . .
Невозможное счастье!
На! Лови!

✱

Ты — буйный зовъ роговъ призывныхъ,
Влекущій на невѣрный слѣдъ,
Ты — сѣрый вѣтеръ рѣкъ разливныхъ,
Обманчивый болотный свѣтъ,

Люблю тебя, какъ посохъ — странникъ,
Какъ воинъ — милую въ бою,
Тебя провижу, какъ изгнанникъ
Провидитъ родину свою.

Но ликъ твой мнѣ не зримъ, невѣдомъ,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, какъ вождь, къ побѣдамъ,
Испепеляешь ты, какъ страсть.

×

Какъ день, свѣтла, но непонятна,
Вся — явь, но — какъ обрывокъ сна,
Она приходитъ съ рѣчью внятной,
И вслѣдъ за ней — всегда весна.

Вотъ здѣсь садится и болтаетъ.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякій знаетъ
Про тайный вихрь ея огня.

Но я, не вслушиваясь строго
Въ ея порывистую рѣчь,
Слѣжу, какъ ширится тревога
Въ сіяньи глазъ и въ дрожи плечъ.

Когда жъ дойдутъ до сердца рѣчи,
И опьянять ея духи,
И я влюблюсь въ глаза и въ плечи,
Какъ въ вѣшній вѣтеръ, какъ въ стихи, —

Сверкнетъ холодное запястье,
И, рѣчь прервавъ, она сама
Уже твердитъ, что сила страсти —
Ничто предъ холодомъ ума! . . .

✱

Петербургскія сумерки снѣжныя.
Взглядъ на улицѣ, розы въ дому . . .
Мысли — точно у дѣвушки нѣжныя,
А о чемъ, — и сама не пойму.

Все гляжусь въ мое зеркало сонное . . .
(Онъ, должно быть, глядится въ окно . . .)
Вонъ лицо мое — злое, влюбленное!
Ахъ, какъ мнѣ надоѣло оно!

Запѣванія низкаго голоса,
Снѣжно-бѣлыя руки мои,
Мои тонкіе рыжіе волосы,
Какъ давно они стали ничьи!

Мужъ ушелъ. Свѣтъ такой безобразный . . .
Все-же кровь розовѣетъ . . . на свѣтъ . . .
Посмотрю-ка, онъ тамъ или нѣтъ?
Такъ и есть . . . ахъ, какой неотвязный!

×

Смычокъ запѣлъ. И облакъ душевный
Надъ нами всталъ. И соловьи
Приснились намъ. И станъ послушный
Скользнулъ въ объятія мои . . .
Не соловей — то скрипка пѣла,
Когда жъ оборвалась струна,
Кругомъ рыдала и звенѣла,
Какъ въ вешней рощѣ, тишина . . .
Какъ тамъ, въ рыдающіе звуки
Вступала майская гроза . . .
Пугливыя сближались руки,
И жгли смеженные глаза . . .

✱

Ты жилъ одинъ. — Друзей ты не искалъ
И не искалъ единовѣрцевъ.
Ты острый ножъ безжалостно вонзалъ
Въ открытое для счастья сердце.

— Безумный другъ! Ты могъ бы счастливъ быть!...
— Зачѣмъ? Средь бурнаго ненастья
Мы, все равно, не можемъ сохранить
Неумирающаго — счастья.

✱

Превратила все въ шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платкомъ вытирать,

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабывъ.
Вдругъ припомнила все — зарыдала,
Десять шпилекъ на столъ уронивъ.

Подурнѣла, пошла, обернулась,
Воротилась, чего то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, на вѣки ушла . . .

Что жъ, пора приниматься за дѣло,
За старинное дѣло свое. —
Неужели и жизнь отшумѣла,
Отшумѣла, какъ платье твое?

✱

Та жизнь прошла,
И сердце спить,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Безстрашная — глядитъ
Въ мое окно.

И выпалъ снѣгъ,
И не прогнать
Мнѣ зимнихъ чаръ.
И не вернуть тѣхъ нѣгъ,
И странно вспоминать,
Что былъ пожаръ.

✕

Была ты всѣхъ ярче, вѣрнѣй и предестинѣй,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поѣздъ летитъ, какъ цыганская пѣсня,
Какъ тѣ невозвратные дни . . .

Что было любимо, — все мимо, мимо,
Впереди — неизвѣстность пути . . .
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо . . . прости!

*

Раздеться по всему небосклону,
Огнекрасная туча идетъ.
Я пишу въ моей кельѣ Мадонну,
Я пишу — моя дума растеть.

Вотъ я вычертилъ ликъ Ея нѣжный,
Вотъ подъ кистью рука расцвѣла,
Вотъ сіяютъ красой бѣлоснѣжной
Два небесныхъ, два легкихъ крыла . . .

Огнекрасные отсвѣты ярче
На суровомъ моемъ полотнѣ . . .
Неотступная дума все жарче
Обнимаетъ, прильнула ко мнѣ . . .

*

Онъ занесенъ — сей жезлъ желѣзный
Надъ нашей головой. И мы
Летимъ, летимъ надъ грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чѣмъ полетъ неукротимѣй,
Чѣмъ ближе вѣянье конца,
Тѣмъ лучезарнѣе, тѣмъ зримѣй
Сіяніе Ея Лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынамъ отчаянья сквозь,
Ведеть, уводитъ въ голубое
Едва примѣтная стезя.

✱

Пусть я и жилъ, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Все ты волнуешь мнѣ душу,
Гдѣ бы ни встрѣтилъ тебя!

О, эти дальнія руки!
Въ тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже въ разлукѣ!

И въ одинокомъ моемъ
Домѣ, пустомъ и холодномъ,
Въ снѣ, никогда не свободномъ,
Снится мнѣ брошенный домъ.

Старыя снятся минуты,
Старые снятся года . . .
Видно, ужъ такъ навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звалъ — не хочу
На суетливую нѣжность
Я промѣнять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

✱

Протекли за годами года,
И слѣпому и глупому мнѣ
Лишь сегодня приснилось во снѣ,
Что она не любила меня никогда . . .

Только встрѣчнымъ случайнымъ я былъ,
Только встрѣчнымъ я былъ на пути,
Но остылъ тотъ младенческій пылъ,
И она мнѣ сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты съ другими отравлены мнѣ,
Та же дума — и пѣсня одна
Мнѣ звучала сегодня во снѣ . . .

*

За горами, лѣсами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Подъ другими цвѣтешъ небесами . . .

И когда заблѣетъ гора,
Долъ одѣнется зеленью вешнею,
Вспоминаю съ печалью нездѣшнюю
Все бывшее мое, какъ вчера . . .

Въ снахъ печальныхъ тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародѣйную руку твою,
Повторяя далекое имя.

*

КАРМЕНЪ

(1914)

Л. А. Д.

*Какъ океанъ мѣняетъ цвѣтъ,
Когда въ нагроможденной тучѣ
Вдругъ полыхнетъ мигнувшій свѣтъ, —
Такъ сердце подъ грозой плывучей
Мѣняетъ строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается въ ланиты,
И слезы счастья душатъ грудь
Передъ явленьемъ Карменситы.*

На небѣ — празелень, и мѣсяца осколокъ
Омыть, въ лазури спить, и вѣтеръ, чуть дыша,
Проходить, и весна, и ледъ послѣдній колокъ,
И въ сонный входитъ вихрь смятенная душа . . .

Что мѣсяца нѣжиѣй, что зорь закатныхъ выше?
Знай про себя, молчи, друзьямъ не говори:
Въ послѣднемъ этажѣ, тамъ, подъ высокой крышей
Окно, горящее не отъ одной зари . . .

×

Есть демонъ утра. Дымно-свѣтель онъ,
Золотокудрый и счастливый.
Какъ небо, синь струящійся хитонъ,
Весь — перламутра переливы.

Но, какъ ночью тьмой сквозить лазурь,
Такъ этотъ ликъ сквозить порой ужаснымъ,
И золото кудрей — червонно краснымъ,
И голосъ — рокотомъ забытыхъ бурь.

✱

Бушуетъ снѣжная весна.
Я отвожу глаза отъ книги . . .
О, страшный часъ, когда она,
Читая по рукѣ Цуниги,
Въ глаза Хозе метнула взглядъ!
Насмѣшкой засвѣтились очи,
Блеснулъ зубовъ жемчужный рядъ,
И я забылъ всѣ дни, всѣ ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память объ отчизнѣ . . .
А годось пѣлъ: *Цѣною жизни*
Ты мнѣ заплатишь за любовь!

★

Среди поклонниковъ Кармень,
Спѣшавшихъ пестрою толпою,
Ее зовущихъ за собою,
Одинъ, какъ тѣнь у сѣрыхъ стѣнъ
Ночной таверны Лилласъ-Пастья,
Молчить и сумрачно глядить,
Не ждетъ, не требуетъ участья,
Когда же бубень зазвучитъ,
И глухо зазвенятъ запястья, —
Онъ вспоминаетъ дни весны,
Онъ средь бушующихъ созвучій
Глядитъ на станъ ея пѣвучій
И видитъ творческіе сны.

*

Сердитый взоръ безцвѣтныхъ глазъ.
Ихъ гордый вызовъ, ихъ презрѣнье.
Всѣхъ линій — тайны и пѣнье.
Такъ я Васъ встрѣтилъ въ первый разъ.
Въ партерѣ — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудникъ черный близко, близко . . .
И блѣдное лицо . . . и прядь
Волосъ, спадающая низко . . .
О, не впервые странныхъ встрѣчъ
Я испыталъ нѣмую жуткость!
Но этихъ нервныхъ рукъ и плечъ
Почти пугающая чуткость . . .
Въ движеняхъ гордой головы
Прямые признаки досады . . .
(Такъ на людей изъ-за ограды
Угрюмо взглядываютъ львы).
А тамъ, подъ круглой лампой, тамъ
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не къ Вамъ
Идетъ влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свѣтъ ненужный,
И не блеснетъ ужъ рядъ жемчужный
Зубовъ — несчастному тому . . .

О, не глядѣть, молчать — нѣтъ мочи,
Сказать — не надо и нельзя . . .
И Вы уже (звѣздой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — въ поступи истома,
И пѣсня Вашихъ нѣжныхъ плечъ
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Какъ память объ иной отчизнѣ, —
Вашъ образъ, дорогой навѣкъ . . .

А тамъ: *Уйдемъ, уйдемъ отъ жизни,*
Уйдемъ отъ этой грустной жизни!
Кричитъ погибшій человѣкъ . . .

И мартъ наноситъ мокрый снѣгъ.

✱

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то намъ свѣтлаго жаль,
Значить — теплится гдѣ-то свѣча,
И молитва моя горяча,
И цѣлую тебя я въ плеча.

Этотъ колосъ ячменный — поля,
И залиvistый крикъ журавля,
Это значить — мнѣ ждять у плетня
До заката горячаго дня.
Значить — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшенъ мнѣ цвѣтъ этихъ розъ,
Это — рыжая ночь твоихъ косъ?
Это — музыка тайныхъ измѣнъ?
Это — сердце въ плѣну у Карменъ?

✱

Ты, какъ отзвукъ забытаго гимна
Въ моей черной и дикой судьбѣ.
О, Кармень, мнѣ печально и дивно,
Что приснился мнѣ сонъ о тебѣ.

Вешній трепеть, и лепеть, и шелестъ,
Непробудные дикіе сны,
И твоя одичалая прелесть —
Какъ гитара, какъ бубень весны!

И проходишь ты въ думахъ и грезахъ,
Какъ царица блаженныхъ временъ,
Съ головой, утопающей въ розахъ,
Погруженная въ сказочный сонъ.

Спишь, змѣею склubyясь прихотливой,
Спишь въ дурманѣ и видишь во снѣ
Даль морскую и берегъ счастливый,
И мечту, недоступную мнѣ.

Видишь день беззакатный и жгучій
И любимый, родимый свой край,
Синій, синій, пѣвучій, пѣвучій,
Неподвижно-блаженный, какъ рай.

Въ томъ раю тишина бездыханна,
Только въ кущѣ сплетенныхъ вѣтвей
Дивный голосъ твой, низкій и странный,
Славить бурю цыганскихъ страстей.

✱

О, да, любовь вольна, какъ птица,
Да, все равно, — я твой!
Да, все равно мнѣ будетъ сниться
Твой станъ, твой огневой!

Да, въ хищной силѣ рукъ прекрасныхъ,
Въ очахъ, гдѣ грусть измѣнъ,
Весь бредъ моихъ страстей напрасныхъ,
Моихъ ночей, Кармень!

Я буду пѣть тебя, я небу
Твой голосъ передамъ!
Какъ іерей, свершу я требу
За твой огонь — звѣздамъ!

Ты встанешь бурною волною
Въ рѣкѣ моихъ стиховъ,
И я съ руки моей не смою,
Кармень, твоихъ духовъ . . .

И въ тихій часъ ночной, какъ пламя,
Сверкнувшее на мигъ,
Блеснетъ мнѣ бѣлыми зубами
Твой неотступный ликъ.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, въ чужой странѣ,
Что ты, когда нибудь, украдкой
Помыслишь обо мнѣ . . .

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всѣхъ измѣнь, —
Пусть эта мысль предстанетъ строгой,
Простой и бѣдой, какъ дорога,
Какъ дальній путь, Кармень!

✱

Нѣтъ, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Такъ вотъ что такъ влекло сквозь бездну
грустныхъ лѣтъ,
Сквозь бездну дней пустыхъ, чье бремя не из-
будешь,
Вотъ почему я — твой поклонникъ и поэтъ!

Здѣсь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную — постичь ее нѣтъ силъ.
Тамъ — дикій сплавъ міровъ, гдѣ часть души
вселенской
Рыдаетъ, исходя гармоніей свѣтилъ.

Вотъ — мой восторгъ, мой страхъ въ тотъ вечеръ
въ темномъ залѣ!
Вотъ, бѣдная, зачѣмъ тревожусь за тебя!
Вотъ чьи глаза меня такъ странно провожали,
Еще не угадавъ, не зная . . . не любя!

Сама себѣ законъ — летишь, летишь ты мимо,
Къ созвѣздіямъ инымъ, не вѣдая орбитъ,
И этотъ міръ тебѣ — лишь красный облакъ дыма,
Гдѣ что-то жжетъ, поетъ, тревожитъ и горитъ!

И въ заревѣ его — твоя безумна младость . . .
Все — музыка и свѣтъ: нѣтъ счастья, нѣтъ
измѣнъ . . .

Мелодіей одной звучать печаль и радость . . .
Но я люблю тебя: я самъ такой, *Карменъ*.

СОЛОВЬИНЫЙ САДЪ

(1915)

Я ломаю слоистыя скалы
 Въ часъ отлива на илистомъ днѣ,
 И таскаетъ осель мой усталый
 Ихъ куски на мохнатой спинѣ.

Донесемъ до желѣзной дороги,
 Сложимъ въ кучу, — и къ морю опять
 Насъ ведутъ волосатыя ноги,
 И осель начинаетъ кричать.

И кричить, и трубить онъ, — отрадно,
 Что идетъ налегкѣ хотъ назадъ.
 А у самой дороги — прохладный
 И тѣнистый раскинулся садъ.

По оградѣ высокой и длинной
 Лишнихъ розъ къ намъ свисаютъ цвѣты.
 Не смолкаетъ напѣвъ соловьиный,
 Что-то шепчутъ ручки и листы.

Крикъ осла моего раздается
 Каждый разъ у садовыхъ воротъ,
 А въ саду кто-то тихо смѣется,
 И потомъ — отойдетъ и поетъ.

И, вникая въ напѣвъ безпокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Какъ на берегъ скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догораетъ безслѣдно,
Сумракъ ночи ползетъ сквозь кусты;
И осель удивляется, бѣдный:
— Что, хозяинъ, раздумался ты?

Или разумъ отъ зноя мутится,
Замечтался ли въ сумракѣ я?
Только все неотступнѣе снится
Жизнь другая — моя, не моя . . .

И чего въ этой хижинѣ тѣсной
Я, бѣднякъ обездоленный, жду,
Повторяя напѣвъ неизвѣстный,
Въ соловьиномъ звенящій саду?

Не доносятся жизни проклятья
Въ этотъ садъ, обнесенный стѣной,
Въ синемъ сумракѣ бѣлое платье
За рѣшеткой мелькаетъ рѣзной.

Каждый вечеръ въ закатномъ туманѣ
Прохожу мимо этихъ воротъ,
И она меня, легкая, манить
И круженьемъ, и пѣньемъ зоветъ.

И въ призывномъ круженьѣ и пѣньѣ
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхаетъ осель утомленный,
Брошенъ ломъ на пескѣ подъ скалой,
А хозяинъ блуждаетъ влюбленный
За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводитъ къ оградѣ тѣнистой,
Убѣгающей въ синюю муть.

И томленіе все безысходнѣй,
И идутъ за часами часы,
И колючія розы сегодня
Опустились подъ тягой росы.

Наказанье ли ждетъ иль награда,
Если я уклонюсь отъ пути?
Какъ бы въ дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А ужъ прошлое кажется страннымъ,
И рукѣ не вернуться къ труду:
Сердце знаетъ, что гостемъ желаннымъ
Буду я въ соловьиномъ саду . . .

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна,
Не стучалъ я — сама отворила
Неприступныя двери она.

Вдоль прохладной дороги, межъ лилій,
Однозвучно запѣли ручьи,
Сладкой пѣснью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомаго счастья
Мнѣ открыли объятія тѣ,
И звенѣли, спадая, запястья
Громче, чѣмъ въ моей нищей мечтѣ.

Опьяненный виномъ золотистымъ,
Золотымъ опаленный огнемъ,
Я забылъ о пути каменистомъ,
О товарищѣ бѣдномъ своемъ.

Пусть укрыла отъ дольняго горя
Утонувшая въ розахъ стѣна, —
Заглушить рокотаніе моря
Соловьиная пѣснь не вольна!

И вступившая въ пѣнье тревога
Рокоть волнъ до меня донесла . . .
Вдругъ — видѣнье: большая дорога
И усталая поступь осла . . .

И во мглѣ благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяетъ она безпокойно:
— Что съ тобою, возлюбленный мой?

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженствомъ спѣша,
Отдаленнаго шума прилива
Ужъ не можетъ не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистомъ разсвѣтѣ
Неизвѣстно котораго дня.
Спитъ она, улыбаясь, какъ дѣти, —
Ей пригрезился сонъ про меня.

Какъ подъ утреннимъ сумракомъ чарымъ
Ликъ, прозрачный отъ страсти, красивъ!...
По далекимъ и мѣрнымъ ударамъ
Я узналъ, что подходитъ приливъ.

Я окно распахнулъ голубое,
И почудилось, будто возникъ
За далекимъ рычаньемъ прибоя
Призывающій жалобный крикъ.

Крикъ осла былъ протяженъ и дологъ,
Проникалъ въ мою душу, какъ стонъ,
И тихонько задернулъ я пологъ,
Чтобъ продлить очарованный сонъ.

И, спускаясь по камнямъ ограды,
Я нарушилъ цвѣтовъ забытье.
Ихъ шипы, точно руки изъ сада,
Уцѣпились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
Въ это утро кремнистъ и тяжелъ.
Я вступаю на берегъ пустынный,
Гдѣ остался мой домъ и оселъ.

Или я заблудился въ туманѣ?
Или кто-нибудь шутить со мной?
Нѣтъ, я помню камней очертанье,
Тоцій кустъ и скалу надъ водой...

Гдѣ же домъ? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный домъ,
Тяжкій, ржавый, подъ черной скалою
Затянувшійся мокрымъ пескомъ...

Размахнувшись движеньемъ знакомымъ
(Или все еще это во снѣ?),
Я ударилъ заржавленнымъ ломомъ
По слоистому камню на днѣ...

И оттуда, гдѣ сѣрые спруты
Покачнулись въ лазурной щели,
Закарабкался крабъ всполохнутый
И присѣлъ на песчаной мели.

Я подвинулся, — онъ приподнялся,
Широко разѣвая клешни,
Но сейчасъ же съ другимъ повстрѣчался,
Подрались и пропали они . . .

А съ тропинки, протоптанной мною,
Тамъ, гдѣ хижина прежде была,
Сталъ спускаться рабочій съ киркою,
Погоня чужого осла.

×

РОДИНА

(1907 — 1916)

Ты отошла, и я въ пустынь
Къ песку горячему приникъ.
Но слова гордаго отнынъ
Не можетъ вымолвить языкъ.

О томъ, что было, не жалья,
Твою я понялъ высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мнѣ — невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкаетъ,
Пусть множитъ дикую молву:
Сынъ Человѣческій не знаетъ,
Гдѣ приклонить ему главу.

Май 1907

Въ густой травѣ пропадешь съ головой.
Въ тихій домъ войдешь, не стучась . . .
Обниметь рукой, оплететь косою
И, статная, скажетъ: — Здравствуй, князь.

— Вотъ здѣсь у меня — кустъ бѣлыхъ розъ.
— Вотъ здѣсь вчера — повилика вилась.
— Гдѣ былъ, пропадалъ? что за вѣсть принесъ?
— Кто любить, не любить, кто гонить насъ?

Какъ бывало, забудешь, что дни идутъ,
Какъ бывало, простишь, кто гордъ и золъ.
И смотришь — тучи вдали встаютъ,
И слушаешь пѣсни далекихъ селъ . . .

Заплачетъ сердце по чужой сторонѣ,
Запросится въ бой — зоветъ и манить . . .
Только скажетъ: — Прощай. Вернись ко мнѣ.
И опять за травой колокольчикъ звенить . . .

1907

✱

Задебренныя лѣсомъ кручи:
Когда-то тамъ на высотѣ,
Рубили дѣды срубъ горючій
И пѣли о своемъ Христѣ.

Теперь пастушій кнутъ не свистнетъ,
И пѣсни не споетъ свирѣль.
Лишь мохъ сырой съ обрыва виснетъ,
Какъ вѣдъмы сбитая кудель.

Навѣки непробудной тѣнью
Рѣсницы мховъ опушены,
Спятъ, убаюканные лѣнью
Людской врагини — тишины.

И человѣкъ печальной цапли
Съ болотной кочки не спугнетъ,
Но въ каждой тихой, ржавой каплѣ —
Зачало рѣкъ, озеръ, болотъ.

И капли ржавыя, лѣсныя,
Родясь въ глуши и темнотѣ
Несутъ испуганной Россіи
Вѣсть о сжигающемъ Христѣ.

*

НА ПОЛѢ КУЛИКОВОМЪ

1

Рѣка раскинулась. Течеть, груститъ лѣниво
И моетъ берега.
Надъ скудной глиной желтаго обрыва
Въ степи грустятъ стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь — стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.

Нашъ путь — степной, нашъ путь — въ тоскѣ
безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
Степную даль.
Въ степномъ дыму блеснетъ святое знамя
И ханской сабли сталь . . .

И вѣчный бой! Покой намъ только снится
Сквозь кровь и пыль . . .
Летить, летить степная кобылица
И мнетъ ковыль . . .

И нѣтъ конца! Мелькають версты, кручи . . .
Останови!
Идутъ, идутъ испуганныя тучи,
Закатъ въ крови!

Закатъ въ крови! Изъ сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь . . .
Покая нѣтъ! Степная кобылица
Несется вскачь!

2

Мы, самъ другъ, надъ степью въ полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назадъ.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричатъ . . .

На пути — горючій бѣлый камень.
За рѣкой — поганая орда.
Свѣтлый стягъ надъ нашими полками
Не разыграетъ больше никогда.

И, къ землѣ склонившись головою,
Говорить мнѣ другъ: — Остри свой мечъ,
— Чтобъ не даромъ биться съ татарвою,
— За святое дѣло мертвымъ лечь!

Я — не первый воинъ, не послѣдній,
Долго будетъ родина больна.
Помяни-жъ за раннюю обѣдней
Мила друга, свѣтлая жена!

3

Въ ночь, когда Мамай залегъ съ ордою
Степи и мосты,
Въ темномъ полѣ были мы съ Тобою. —
Развѣ знала Ты?

Передъ Дономъ темнымъ и зловѣщимъ,
Средь ночныхъ полей,
Слышалъ я Твой голосъ сердцемъ вѣщимъ
Въ крикахъ лебедей.

Съ полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночныя птицы
Рѣяли вдали.
А надъ Русью тихія зарницы
Князя стерегли.

Орлій клекотъ надъ татарскимъ станомъ
Угрожалъ бѣдой,
А Непрядва убралась туманомъ,
Что княжна фатой,

И съ туманомъ надъ Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, въ одеждѣ свѣтъ струящей,
Не спугнувъ коня.

Серебромъ волны блеснула другу
На стальномъ мечѣ.
Освѣжила пыльную кольчугу
На моемъ плечѣ.

И когда на утро, тучей черной,
Двинулась орда,
Былъ въ щитѣ Твой ликъ нерукотворный
Свѣтель навсегда.

4

Опять съ вѣковою тоскою
Пригнулись къ землѣ ковыли.
Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали . . .

Умчались, пропали безъ вѣсти
Степныхъ кобылицъ табуны,
Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны.

И я съ вѣковою тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной,
Не знаю, что дѣлать съ собою,
Куда мнѣ летѣть за тобой!

Я слушаю рокоты сѣчи
И трубные крики татаръ,
Я вижу надъ Русью далече
Широкій и тихій пожаръ.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на бѣломъ конѣ . . .
Встрѣчаются вольныя тучи
Во мгlistой ночной вышинѣ.

Вздымаются свѣтлыя мысли
Въ растерзанномъ сердцѣ моемъ,
И падаютъ свѣтлыя мысли,
Сожженные темнымъ огнемъ . . .

— Явись, мое дивное диво!
— Быть свѣтлымъ меня научи!
Вздымается конская грива . . .
За вѣтромъ вызываютъ мечи . . .

5

И мглюю бѣдъ неотразимыхъ
Грядущій день заволокло.
Вл. Соловьевъ

Опять надъ полемъ Куликовымъ
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облакомъ суровымъ,
Грядущій день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высокихъ и мятежныхъ дней!
Надъ вражымъ станомъ, какъ бывало,
И плескъ, и трубы лебедей.

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Теперь твой часъ насталъ. — Молись!

1908

★

РОССІЯ

Опять, какъ въ годы золотые,
Три стертыхъ треплются шлеи,
И вязнуть спицы росписныя
Въ расхлябанныя колени . . .

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрья твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя, —
Какъ слезы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу . . .
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманить и обманеть, —
Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманить
Твои прекрасныя черты . . .

Ну, что-жь? Одной заботой болѣ —
Одной слезой рѣка шумнѣй,
А ты все та же — лѣсь, да поле,
Да платъ узорный до бровей . . .

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожной
Мгновенный взоръ изъ-подъ платка,
Когда звенить тоской острожной
Глухая пѣсня ямщика! . . .

1908

*

Вотъ онъ, вѣтеръ
Звѣнящій тоскою острожной,
Надъ безкрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершійся призракъ
Ветлы придорожной . . .

Вотъ, что ты мнѣ сулила:
Могила.

✱

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идемъ по жнивью, не спѣша,
Съ тобою, другъ мой скромный,
И изливается душа,
Какъ въ сельской церкви темной.

Осенній день высокъ и тихъ,
Лишь слышно — воронъ глухо
Зоветь товарищей своихъ,
Да кашляетъ старуха.

Овинъ разстелетъ низкій дымъ,
И долго подъ овиномъ
Мы взоромъ пристальнымъ слѣдимъ
За летомъ журавлинымъ . . .

Летятъ, летятъ косымъ угломъ,
Вожакъ звенить и плачетъ . . .
О чемъ звенить, о чемъ, о чемъ?
Что плачь осенній значить?

И низкихъ нищихъ деревень
Не счесть, не смѣрить окомъ,
И свѣтитъ въ потемнѣвшій день
Костеръ въ лугу далекомъ . . .

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бѣдная моя жена,
О чемъ ты горько плачешь?

1 января 1909

★

Не уходи. Побудь со мною,
Я такъ давно тебя люблю.

Дымъ отъ костра струею сизой
Струится въ сумракъ, въ сумракъ дня,
Лишь бархатъ алый алой ризой,
Лишь свѣтъ зари — покрылъ меня.

Все, все обманъ, сѣдымъ туманомъ
Ползетъ печаль угрюмыхъ мѣсть.
И ель крестомъ, крестомъ багрянымъ
Кладетъ на даль воздушный крестъ . . .

Подруга, на вечернемъ пирѣ,
Помедли здѣсь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшномъ мірѣ,
Вдохни небесной глубиной,

Смотри съ печальною усладой
Какъ въ свѣтъ зари вползаетъ дымъ.
Я огражу тебя оградой —
Кольцомъ изъ рукъ, кольцомъ стальнымъ.

Я огражу тебя оградой —
Кольцомъ живымъ, кольцомъ изъ рукъ.
И намъ, какъ дымъ струиться надо
Сѣдымъ туманомъ — въ алый кругъ.

*

Русь моя, жизнь моя, вмѣстѣ ль намъ маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермакъ, да тюрьма!
Эхъ, не пора ль разлучиться, раскаяться . . .
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или въ Бога ты вѣрила?
Что тамъ услышишь изъ пѣсенъ твоихъ?
Чудь начудила, да Меря намѣрила
Гатей, дорогъ, да столбовъ верстовыхъ . . .

Лодки, да грады по рѣкамъ рубила ты,
Но до Царьградскихъ святынь не дошла . . .
Соколовъ, лебедей въ степь распустила ты —
Кинулась изъ степи черная мгла . . .

За море Черное, за море Бѣлое
Въ черныя ночи и въ бѣлые дни
Дико глядится лицо онѣмѣлое,
Очи татарскія мечуть огни . . .

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь надъ становьемъ твоимъ . . .
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольнымъ играешься духомъ моимъ?

1910

*

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

Маріи Павловнѣ Ивановой

Подъ насыпью, во рву некошенномъ,
Лежить и смотреть, какъ живая,
Въ цвѣтномъ платкѣ, на косы брошенномъ,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шумъ и свистъ за ближнимъ лѣсомъ.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, подъ навѣсомъ.

Три яркихъ глаза набѣгающихъ —
Нѣжнѣйшій румянецъ, круче локопъ:
Быть можетъ, кто изъ проѣзжающихъ
Посмотритъ пристальнѣй изъ оконъ . . .

Вагоны шли привычной линіей,
Подрагивали и скрипѣли;
Молчали желтые и синіе;
Въ зеленыхъ плакали и пѣли.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровнымъ взглядомъ
Платформу, садъ съ кустами блеклыми,
Ее, жандарма съ нею рядомъ . . .

Лишь разъ гусаръ, рукой небрежною
Облокотясь на бархатъ алый,
Скользнуль по ней улыбкой нѣжною . . .
Скользнуль — и поѣздъ въ даль умчалю.

Такъ мчалась юность бесполезная,
Въ пустыхъ мечтахъ, изнемогая . . .
Тоска дорожная, желѣзная
Свистѣла, сердце разрывая . . .

Да что — давно ужъ сердце вынуто!
Такъ много отдано поклоновъ,
Такъ много жадныхъ взоровъ кинуто
Въ пустынные глаза вагоновъ . . .

Не подходите къ ней съ вопросами,
Вамъ все равно, а ей —довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

1910

✱

ПОСѢЩЕНІЕ

Г о л о с ъ

То не ели, не тонкія ели
На закатѣ подъемлютъ кресты,
То въ дали снѣговой заалѣли
Мои нѣжные, милый, персты.
Унесенная бѣлой метелью
Въ глубину, въ бездыханность мою, —
Вотъ я вновь надъ твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю . . .
Я сквозь ночи, сквозь долгія ночи,
Я сквозь темныя ночи — въ вѣнцѣ.
Вотъ они — еще синія очи
На моемъ постарѣвшемъ лицѣ!
Въ твоемъ голосѣ — возгласы моря,
На лицѣ твоемъ — жала огня,
Но читаю въ испуганномъ взорѣ,
Что ты помнишь и любишь меня.

В т о р о й г о л о с ъ

Старый домъ мой пронизанъ метелью,
И остылъ одинокій очагъ.
Я привыкъ, чтобъ надъ этой постелью
Наклонялся лишь пристаальный врагъ.

И душа для видѣній ослѣпла,
Если вспомню, — лишь вѣтръ налетитъ,
Лишь рубинъ раскаленный изъ пепла
Мой обугленный ликъ опалить!
Я не смѣю взглянуть въ твои очи,
Все, что было, — далеко оно.
Долгихъ лѣтъ нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

с. Шахматово
1910

✱

Тамъ неба освѣтленный край
Средь дымныхъ пятенъ.
Тамъ разговоръ гусиныхъ стай
Такъ внятень.

Свободенъ, веселъ и силенъ,
Въ дали любимой
Я слышу непомѣрный звонъ
Неуслѣдимый.

Тамъ осень сумрачнымъ перомъ
Широко рѣтъ,
Тамъ старый лѣсъ подъ топоромъ
Рѣдѣтъ.

*

Приближается звукъ. И, покорна щемящему звуку,
Молодѣетъ душа.

И во снѣ прижимаю къ губамъ твою прежнюю
руку,

Не дыша.

Снится, — снова я мальчикъ, и снова любовникъ,
И оврагъ, и бурьянъ,

И въ бурьянѣ — колючій шиповникъ,
И вечерній туманъ.

Сквозь цвѣты и листы, и колючія вѣтки, я знаю,
Старый домъ глянетъ въ сердце мое,
Глянетъ небо опять, розовѣя отъ краю до краю,
И окошко твое.

Этотъ голосъ — онъ твой и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдамъ,
Хоть во снѣ, твою прежнюю милую руку
Прижимая къ губамъ.

1912

*

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня бь скакнуть!

Лучь лампадки, какъ въ туманѣ,
Разъ-два, разъ-два, разъ! . . .
Идетъ конница . . . а няня
Тянетъ свой разсказъ . . .

Внемлю сказкѣ древней, древней
О богатыряхъ,
О заморской, о царевнѣ,
О царевнѣ . . . ахъ . . .

Разъ-два, разъ-два! Конникъ въ латахъ
Трогаетъ коня
И манить и мчить куда-то
За собой меня . . .

За моря, за океаны
Онъ манить и мчить,
Въ дымно-синіе туманы,
Гдѣ царевна спитъ . . .

Спить въ хрустальной, спить въ кроваткѣ
Долгихъ сто ночей,
И зеленый свѣтъ лампадки
Свѣтитъ въ очи ей . . .

Подъ парчами, подъ лучами
Слышно ей сквозь сны,
Какъ звенять и бьютъ мечами
О хрусталь стѣны . . .

Съ кѣмъ тамъ бьется конникъ гнѣвный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — надъ царевной
Свѣтлый кругъ лучей . . .

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякають ключи . . .

Сладко дремлется въ кроваткѣ.
Дремлешь? — Внемлю . . . сплю.
Лучъ зеленый, лучъ лампадки,
Я тебя люблю!

1912

*

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздникъ радостный, праздникъ великій,
Да звѣзда изъ-за тучъ не видна . . .
Ты стоишь подъ метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снѣгами, лѣсами, степями
Твоего мнѣ не видно лица.
Только ль страшный просторъ предъ очами,
Непонятная ширь безъ конца?

Утопая въ глубокомъ сугробѣ,
Я на утлыя санки сажусь.
Не въ богатомъ покоишься гробѣ
Ты, убогая финская Русь!

Тамъ прикинешься ты богомольной,
Тамъ старушкой прикинешься ты,
Гласъ молитвенный, звонъ колокольный,
За крестами — кресты, да кресты . . .

Только ладанъ твой синій и росный
Просквозить мнѣ порою инымъ . . .
Нѣтъ, не старческій ликъ и не постный
Подъ московскимъ платочкомъ цвѣтнымъ!

Сквозь земные поклоны, да свѣчи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливый, тихій рѣчи,
Запылавшія щеки твои . . .

Дальше, дальше . . . И вѣтеръ рванулся,
Черноземнымъ летя пустыремъ . . .
Кусть дорожный по вѣтру метнулся,
Словно дьяконъ взмахнулъ ораремъ . . .

А ужъ тамъ, за рѣкой полноводной,
Гдѣ пригнулись къ землѣ ковыли,
Тянетъ гарью горячей, свободной,
Слышны гуды въ далекой дали . . .

Иль опять это — станъ половецкій
И татарская буйная крѣпь?
Не пожаромъ ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нѣтъ, не видно тамъ княжьяго стяга,
Не шеломами черпаютъ Донъ.
И прекрасная внучка варяга
Не клянеть половецкій полонъ . . .

Нѣтъ, не вьются тамъ по вѣтру чубы,
Не пестрѣютъ въ степяхъ бунчуки . . .
Тамъ чернѣютъ фабричныя трубы,
Тамъ заводскіе стонутъ гудки.

Путь степной — безъ конца, безъ исхода,
Степь, да вѣтеръ, да вѣтеръ, — и вдругъ
Многоярусный корпусъ завода,
Города изъ рабочихъ лачугъ . . .

На пустынномъ просторѣ, на дикомъ
Ты все та, что была, и не та,
Новымъ ты обернулась мнѣ ликомъ,
И другая волнуешь мечта . . .

Черный уголь — подземный мессія,
Черный уголь — здѣсь царь и женихъ,
Но не страшенъ, невѣста, Россія,
Голосъ каменныхъ пѣсень твоихъ!

Уголь стонетъ, и соль забѣлѣлась,
И желѣзная воетъ руда . . .
То надъ степью пустой загорѣлась
Мнѣ Америки новой звѣзда!

1913

✱

Вѣтеръ стихъ, и слава заревая
Облекла вонь тѣ пруды.
Вонь и схимникъ. Книгу закрывая,
Онъ смиренно ждетъ звѣзды.

Но бѣжить шоссейная дорога,
Убѣгаетъ вбокъ . . .
Дай вздохнуть, помедли, ради Бога,
Не хрусти, песокъ!

Славой золотѣть заревою
Монастырскій крестъ издалека.
Не свернуть ли къ вѣчному покою?
Да и что за жизнь безъ клобука? . . .

И опять влечетъ неудержимо
Вдаль изъ тихихъ мѣстъ
Путь шоссейный, пробѣгая мимо,
Мимо инока, прудовъ и звѣздъ . . .

✱

ПОСЛѢДНЕЕ НАПУТСТВІЕ

Боль проходитъ понемногу,
Не на вѣкъ она дана.
Есть конецъ мятежнымъ стонамъ.
Злую муку и тревогу
Побѣждаетъ тишина.

Ты смежилъ больныя вѣжды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вотъ она — съ хрустальнымъ звономъ
Преисполнила надежды,
Свѣтлымъ кругомъ обвела.

Слышишь ты сквозь боль мученій,
Точно другъ твой, старый другъ,
Тронулъ сердце нѣжной скрипкой?
Точно легкихъ сновидѣній
Быстрый рой домчался вдругъ?

Это — легкій образъ рая,
Это — милая твоя.
Лягъ на смертный одръ съ улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Кругъ постылый бытія.

Протянуться безъ желаній,
Улыбнуться навсегда.
Чтобъ въ послѣдній разъ проплыли
Мимо, сонно, какъ въ туманѣ,
Люди, зданья, города . . .

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потопили
Надъ послѣднимъ миромъ ложа
И въ иное увлекли . . .

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда . . .
Человѣческая тупость —
Все, что мучило когда-то,
Забавляло иногда . . .

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему вѣнецъ —
Человѣческая глупость,
Безысходна, величава,
Безконечна . . . Что жъ, конецъ?

Нѣтъ . . . еще лѣса, поляны,
И проселки и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русскіе туманы,
Наши шелесты въ овсѣ . . .

А когда пройдетъ все мимо,
Чѣмъ тревожила земля,
Та, кого любилъ ты много,
Поведетъ рукой любимой
Въ Елисейскія поля.

1914

*

Грѣшить безстыдно, непробудно,
Счетъ потерять ночамъ и днямъ,
И, съ головой отъ хмеля трудной,
Пройти сторонкой въ Божій храмъ.

Три раза преклониться долу,
Семь — осѣнить себя крестомъ,
Тайкомъ къ заплеванному полу
Горячимъ прикоснуться лбомъ.

Кладя въ тарелку грошикъ мѣдный,
Три, да еще семь разъ подъ рядъ
Поцѣловать столѣтній, бѣдный
И зацѣлованный окладъ.

А, воротясь домой, обмѣрить
На тотъ же грошъ кого-нибудь,
И пса голоднаго отъ двери,
Икнувъ, ногою отпихнуть.

И подъ лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счетъ,
Потомъ переслюнить купоны,
Пузатый отворивъ комодъ,

И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ . . . —
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ.

Петроградское небо мутилось дождемъ,
На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца — взводъ за взводомъ и штыкъ за
штыкомъ
Наполнялъ за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда . . . Въ закатной дали
Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, запѣвали *Варяга* одни,
А другіе — не въ ладъ — *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ,
Раскачнувшись, фонарь замигалъ,
И подъ черною тучей веселый горнистъ
Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой заплакалъ рожокъ,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колесъ и охрипшій свистокъ
Заглушило *ура* безъ конца.

Ужъ послѣдніе скрылись во мглѣ буфера,
И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все неслоь къ намъ *ура*,
Въ грозномъ кликѣ звучало: *пора!*

Нѣтъ, намъ не было грустно, намъ не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, вѣрная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушаетъ пожаръ,
Громъ орудій и топотъ коней.
Грусть — ее застиляетъ отравленный паръ
Съ Галиційскихъ кровавыхъ полей . . .

Сентябрь 1914

*

Я не предаль бѣлое знамя,
Оглушенный крикомъ враговъ,
Ты прошла ночными путями,
Мы съ тобой — одни у валовъ.

Да, ночные пути, роковые,
Развели насъ и вновь свели,
И опять мы къ тебѣ, Россія,
Добрили изъ чужой земли.

Крестъ и насыпь могилы братской,
Вотъ гдѣ ты теперь, тишина!
Лишь щемящей пѣсни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — все пусто и нѣмо,
Въ смертномъ снѣ — враги и друзья.
И горитъ звѣзда Виелеема
Такъ свѣтло, какъ любовь моя.

*

Рожденные въ года глухіе
Пути не помнятъ своего.
Мы — дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи —
Забуть не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы!
Безумья-ль въ васъ, надежды-ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ дней свободы —
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота — то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье, —
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое!

1914

✱

Дикій вѣтеръ
Стекла гнетъ,
Ставни съ петель
Буйно рветъ.

Часъ заутрени пасхальной,
Звонъ далекій, звонъ печальный,
Глухота и чернота.
Только вѣтеръ, гость нахальный,
Потрясаетъ ворота.

За окномъ черно и пусто,
Ночь полна шаговъ и хруста,
Тамъ рѣка ломаетъ ледъ,
Тамъ меня невѣста ждетъ . . .

Какъ мнѣ скинуть злую дрему
Какъ мнѣ гостя отогнать?
Какъ мнѣ милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Какъ не бросить все на свѣтъ,
Не отчаяться во всемъ,
Если въ гости ходить вѣтеръ,
Только дикій черный вѣтеръ, —
Сотрясающій мой домъ?

Что жъ ты, вѣтеръ,
Стекла гнешь?
Савни съ петель
Дико рвешь?

*

КОРШУНЪ

Чертя за кругомъ плавный кругъ,
Надъ соннымъ лугомъ коршунъ кружить
И смотреть на пустынный лугъ. —
Въ избушкѣ мать надъ сыномъ тужить:
«На хлѣба, на, на грудь, соси,
«Расти, покорствуй, крестъ неси».

Идутъ вѣка, шумить война,
Встаетъ мятежъ, горятъ деревни,
А ты все та-жъ, моя страна,
Въ красѣ заплаканной и древней. —
Доколѣ матери тужить?
Доколѣ коршуну кружить?

1916

*

О ЧЕМЪ ПОЕТЪ ВЪТЕРЪ
(1913)

Мы забыты, одни на землѣ.
Посидимъ же тихонько въ теплѣ.

Въ этомъ комнатномъ, тепломъ углу
Поглядимъ на октябрьскую мглу.

За окномъ, какъ тогда, огоньки.
Милый другъ, мы съ тобой старики.

Все, что было и бурь и невзгодъ,
Позади. Что-жъ ты смотришь впередъ?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Тамъ какую то новую вѣсть?

Точно ангела бурнаго ждешь?
Все прошло. Ничего не вернешь.

Только стѣны, да книги, да дни.
Милый другъ мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чемъ, что прошло, не грущу.

Только, вотъ принялась ты опять
Свѣтлый бисеръ на нитки низать,

Какъ когда-то, ты помнишь тогда . . .
О, какіе то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрѣй . . .
Такъ возьми-жъ и теперь попестрѣй,

Чтобы шелкъ, что вдѣваешь въ иглу,
Побѣждалъ пестротой эту мглу.

*

Поетъ, поетъ . . .
Поетъ и ходитъ возлѣ дома . . .
И грусть, и нѣжность, и истома,
Какъ прежде, за сердце беретъ . . .

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И пѣснью длинной и простой
Баюкаетъ и нѣжитъ время . . .

Такъ древни мы,
Такъ древенъ міра
Бѣгъ,
И лира
Поетъ намъ снѣгъ
Сѣдой зимы,
Поетъ намъ снѣгъ сѣдой зимы . . .

Туда, туда,
На снѣговую грудь
Послѣдней ночи . . .
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть въ объятыхъ ночи . . .

Возврата нѣтъ
Страстямъ и думамъ . . .
Смотри, смотри:
Съ полночнымъ шумомъ
Идетъ къ намъ вѣтеръ отъ зари . . .
Послѣдній свѣтъ
Померкъ. Умри.
Померкъ послѣдній свѣтъ зари.

★

Милый другъ, и въ этомъ тихомъ домѣ
Лихорадка бьетъ меня.
Не найти мнѣ мѣста въ тихомъ домѣ
Возлѣ мирнаго огня!

Голоса поютъ, взываетъ вьюга,
Страшенъ мнѣ уютъ . . .
Даже за плечомъ твоимъ, подруга,
Чьи-то очи стерегутъ!

За твоими тихими плечами
Слышу трепеть крыль . . .
Бьетъ въ меня свѣтящими очами
Ангелъ бури — Азраилъ!

✱

Изъ ничего — фонтаномъ сиримъ
Вдругъ брызнулъ свѣтъ.
Мы головы наверхъ закинемъ —
Его ужъ нѣтъ,
Разсыпался надъ черной далью
Златымъ пучкомъ,
А здѣсь — опять, — дугой, спиралью,
Шаромъ, волчкомъ,
Зеленый, желтый, синій, красный —
Вся ночь въ лучахъ . . .
И, всполошивъ ее напрасно,
Зачахъ.

*

Вспомнилъ я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочникъ добрый и старый
Тихо сидѣлъ у огня.

Дождикъ стучался въ окошко,
Вѣтеръ въ трубѣ завывалъ.
— Плохо теперь безпріютнымъ! —
Сказочникъ добрый, сказалъ.

Въ дверь постучались легонько,
Сказочникъ дверь отворилъ,
Вѣтеръ ворвался холодный,
Дождикъ порогъ окатилъ . . .

Мальчикъ стоитъ на порогѣ
Жалкій, озябшій, нагой,
Мокрый колчанъ за плечами,
Лукъ съ тетивою тугой.

И, усадивъ на колѣни,
Грѣтъ бѣдняжку старикъ.
Тихо довѣрчивый мальчикъ
Къ старому сердцу приникъ.

— Что у тебя за игрушки?
— Ихъ подарила мнѣ мать.
— Вѣрно, ты стрѣлы изъ лука
— Славно умѣешь пускать?

Звонко въ отвѣтъ засмѣялся
Мальчикъ и на полъ спрыгнулъ.
— Вотъ какъ умѣю! — сказалъ онъ
И тетиву натянулъ . . .

Въ самое сердце попалъ онъ,
Старое сердце въ крови . . .
Какъ неожиданно ранять
Острыя стрѣлы любви!

Старикъ, терпи
Тяжкій недугъ,
И ты, мой другъ,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты вѣка,
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Все, что было,
Что манило,
Что цвѣло,
Что прошло, —
Все, все.

*

Было то въ темныхъ Карпатахъ,
Было въ Богеміи дальней . . .

Впрочемъ, прости . . . мнѣ немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню не ясно,
Это — отрывокъ случайный,
Это — изъ жизни *другой* мнѣ
Жалобный вѣтеръ напѣлъ . . .

Вѣрь, другъ мой, сказкамъ: я привыкъ
Вникать
Въ чудесный ихъ языкъ,
И постигать
Въ обрывкахъ словъ
Туманный ходъ
Иныхъ міровъ,
И темный времени полетъ
Слѣдить,
И вмѣстѣ съ вѣтромъ пѣть;
Такъ легче жить,
Такъ легче жизнь терпѣть
И уповать,
Что темной думы ростъ
Намъ въ вѣчность перекинетъ мостъ,
Надѣяться и ждать . . .

Жди, старый другъ, терпи, терпи,
Терпѣть недолго, крѣпче спи,
 Все равно, все пройдетъ,
Все равно вѣдь никто не пойметъ,
Ни тебя не пойметъ, ни меня,
 Ни что вѣтеръ поетъ
 Намъ, звеня . . .

★

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

	Стр.
Авіаторъ (Летунъ отпущень)	34
Антверпенъ (Пусть это время)	164
Аннѣ Ахматовой („Красота страшна“, Вамъ скажутъ)	154
Безъ слова мысль	211
Благовѣщеніе (Съ дѣтскихъ лѣтъ)	127
Благословляю все, что было	148
Божья Матерь (За гробомъ)	135
Болотистымъ пустыннымъ лугомъ	216
Боль проходитъ (Послѣднее напутствіе)	297
Бушуетъ снѣжная весна	247
Бываютъ тихія минуты	197
Была ты всѣхъ ярче	234
Было то въ темныхъ Карпатахъ	317
Былъ скрипокъ вой (Вячеславу Иванову)	152
Валерію Брюсову (И вновь, и вновь твой духъ)	150
Вашъ взглядъ — его мнѣ подстеречь	225
Венеція	111
Вербы — это весенняя таль	251
Весенній день прошелъ безъ дѣла	78
Весь день, какъ день	49
Владиміру Бестужеву (Да, знаю я)	151
Вновь богатый золь и радъ (Пляски смерти)	41
Вновь оснѣженные колонны (На островахъ)	21
Вновь у себя. Униженъ, золь и радъ	59
Вотъ дѣвушка, едва развившись	119
Вотъ онъ, вѣтеръ	281
Все бъ тебѣ желать веселья	186
Все на землѣ умереть	202
Все помнитъ о веслѣ	175
Все свершилось по писаньямъ	51
Все та же озерная гладь	195
Все, что минуто (Равенна)	107
Все, что память сберечь мнѣ	199

	Стр
Все это было, было, было	142
Вспомнилъ я старую сказку	315
Встрѣтивъ на горномъ Тебя (Мадоппа)	120
Встрѣчной (Я — только рыцарь)	177
Въ голодной и больной неволѣ	96
Въ густой травѣ пропадешь	271
Въ жаркое лѣто (Художникъ)	156
Въ лонѣ площади (Сіена)	122
Въ небѣ — день, всѣхъ ночей	218
Въ неувѣренномъ зыбкомъ полетѣ	210
Въ огнѣ и холодѣ тревогъ	104
Въ поль-оборота ты встала	57
Въ ресторанѣ (Никогда не забуду)	26
Въ сапогахъ бутылками (На Пасхѣ)	206
Въ сыромъ ночномъ туманѣ	219
Въ темномъ паркѣ подь ольхой	195
Въ тихій вечеръ мы встрѣчались	198
Въ черныхъ сучьяхъ (Униженіе)	32
Въ эти желтые дни межъ домами	10
Вѣтеръ стихъ и слава зарева	296
Вѣтръ налетитъ, завоюетъ снѣгъ	212
Вячеславу Иванову (Быль скрипокъ вой)	152
Гдѣ отдается въ длинныхъ залахъ	208
Глаза, опущенные скромно	125
Говорить смерть (Когда осилила)	56
Говорятъ черти (Грѣши, пока)	55
Голоса скрипокъ (Изъ длинныхъ травъ)	205
Голосъ изъ хора (Какъ часто плачемъ)	65
Голубоватымъ дымомъ	118
Грустя и плача и смѣясь	188
Грѣши, пока (Говорятъ черти)	55
Грѣшить безстыдно, непробудно	299
Даже имя твое мнѣ презрѣнно	58
Да, знаю я (Владиміру Бестужеву)	151
Да. Такъ диктуешь вдохновенъ	101
Да, я извѣдала всѣ муки (Женщина)	160
Двойникъ (Однажды, въ октябрьскомъ)	13
Демонъ (Иди, иди за мной)	63
Демонъ (Прижмись ко мнѣ)	27
День догорѣлъ (Пѣснь Ада)	15
День полувеселый (Перуджія)	114
День проходилъ, какъ всегда	53
Дикій вѣтеръ стекла гнетъ	304
Дождь мелкій (Юрію Верховскому)	149
Дохнула жизнь въ лицо могилой	76
Другъ другу (Друзьямъ)	136
Друзьямъ (Другъ другу)	136

	Стр.
Духъ прѣный марта	25
Душа! Когда устанешь вѣрить?	172
Дымъ отъ костра струею сизой	283
Дѣвушка изъ Spoleto (Строенъ твой станъ)	110
Есть времена, есть дни	222
Есть въ напѣвахъ твоихъ (Къ музѣ)	7
Есть демонъ утра	246
Есть игра: осторожно войти	45
Есть минуты, когда не тревожить	215
Ея спеленутое тѣло (Успеніе)	129
Жгутъ раскаленные камни	117
Жениха къ послѣдней двери	178
Женщина (Да, я извѣдала всѣ муки)	160
Жизнь моего пріятеля	49
Забывшіе Тебя (И часъ насталь)	70
За горами, лѣсами	239
За городомъ вырость (Поэты)	138
За гробомъ (Божья Матерь)	135
Задебренныя лѣсомъ кручи	272
Здѣсь въ сумерки въ концѣ зимы	194
Здѣсь я покоюсь (Эпитафія)	130
Земное сердце стынетъ вновь	103
Знаю я твое лѣстивое имя	176
И вновь — порывы юныхъ лѣтъ	155
Идемъ по жнивью (Осенній день)	282
Иди, иди за мной (Демонъ)	63
Идутъ часы, и дни, и годы	30
Изъ длинныхъ травъ (Голоса скрипокъ)	205
Изъ ничего фонтаномъ синимъ	314
Изъ хрустальнаго тумана	11
И пора уснуть, да жалко (Сны)	291
Искусство — ноша на плечахъ	124
Испанкѣ (Не лукавь же)	217
Испугомъ схвачена	59
И часъ насталь (Забывшіе Тебя)	70
И я любилъ	173
Какая дивная картина	79
Какъ день, свѣтла	228
Какъ океанъ мѣняетъ цвѣтъ	243
Какъ прощались	201
Какъ растеть тревога	47
Какъ свершилось	87
Какъ тяжело ходить среди людей	28

	Стр.
Какъ тяжело мертвецу (Пляски смерти)	37
Какъ часто плачемъ (Голосъ изъ хора)	65
Кармень	241
Когда, вступая въ міръ	77
Когда замрутъ отчаянье и злоба	140
Когда мучительно возстали	196
Когда мы встрѣтились съ тобой	102
Когда невзначай въ воскресенье	51
Когда осилила (Говоритъ смерть)	56
Когда подъ заступомъ (На смерть младенца)	74
Когда страшишься (Сіенскій соборъ)	123
Когда то гордый и надменный	207
Когда я прозрѣвалъ впервые	75
Кольцо существованья тѣсно	82
Комета (Ты намъ грозишь)	146
Коршунъ (Чертя за кругомъ)	306
Косы Мари распущены	179
Красота страшна, Вамъ скажутъ (Аннѣ Ахматовой)	154
Къ музѣ (Есть въ напѣвахъ твоихъ)	7
Летунъ отпущенъ (Авиаторъ)	34
Madonna da Settignano	120
Май жестокій	174
Милый другъ, и въ этомъ тихомъ домѣ	313
Міры летятъ	42
Мой бѣдный, мой далекій другъ	86
Мой милый, будь смѣлымъ	190
Мы забыты, одни на землѣ	309
Мари	178
Надъ лучшимъ созданіемъ Божьимъ	62
На желѣзной дорогѣ (Подъ насыпью)	285
На небѣ — празелень	245
На островахъ (Вновь оснѣженные)	21
На Пасхѣ (Въ сапогахъ бутылками)	206
На полѣ Куликовомъ	273
На разукрашенную (Сусальный ангелъ)	144
На смерть Коммиссаржевской (Пришла)	203
На смерть младенца (Когда подъ заступомъ)	74
Натянулись гитарныя струны	226
На улицѣ — дождикъ и слякоть	166
Не вѣнчалъ мою голову траурный лавръ	191
Не затѣмъ величалъ я себя паладиномъ	182
Не лукавъ же (Испанкѣ)	217
Не спать, не помнить, не торгуютъ	97
Никогда не забуду (Въ ресторанѣ)	26
Новая Америка (Праздникъ радостный)	293
Ночь, какъ вѣка	60

	Стр.
Ночь, какъ ночь	72
Ночь, улица, фонарь, аптека (Пляски смерти)	39
Ну что же? Устало заломлены	48
Нѣтъ, никогда моей.	255
О, да, любовь вольна, какъ птица	253
Однажды въ октябрьскомъ (Двойникъ).	13
О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ	69
О, какъ смѣялись вы надъ нами	98
Окна ложныя на небѣ черномъ	117
Она, какъ прежде, захотѣла	71
Онъ занесенъ, сей жезлъ желѣзный	236
О, нѣтъ, не расколдуешь сердца ты	158
О, нѣтъ! Я не хочу, чтобъ пали мы	58
Опустись, занавѣска линиялая	189
Оплъ, какъ въ годы золотые (Россія).	279
Опять у этой двери	178
Осенній вечеръ былъ	43
Осенній день (Идемъ по жинивью).	282
О, я хочу безумно жить	93
Передъ судомъ (Что же ты потушилась)	162
Перуджія (День полувеселый).	114
Петербургскія сумерки снѣжныя	229
Петроградское небо мутилось дождемъ	300
Пляски смерти	37
Повеселясь на буйномъ пирѣ	36
Поглядите: вотъ безсильный	50
Подъ зноемъ флорентійской лѣни	117
Подъ насыпью (На желѣзной дорогѣ).	285
Подъ шумъ и звонъ однообразный.	9
Поетъ, поетъ	311
Поздней осенью изъ гавани	20
Покойникъ спать ложится	192
Посланія	149
Послѣднее напутствіе (Боль проходить)	297
Посѣщеніе (То не ели, не тонкія ели)	287
Похоронять, зароятъ глубоко	165
Почіетъ въ мирѣ Теодорихъ	109
Поэты (За городомъ выросъ).	138
Праздникъ радостный (Новая Америка)	293
Превратила все въ шутку сначала	232
Приближается звукъ	290
Прижмись ко мнѣ (Демонъ).	27
Присталъ ко мнѣ нищій дуракъ	52
Пришла (На смерть Коммиссаржевской)	203
Протекли за годами года	238
Пустая улица. Одинъ огонь (Пляски смерти)	39

	Стр.
Пусть я и жилъ, не любя	237
Пусть это время далеко (Антверпенъ)	164
Пѣснь Ада (День догорѣлъ)	15
Равенна (Все, что минутно)	107
Разлетѣсь по всему небосклону	235
Родина	267
Рожденные въ года глухіе	303
Россія (Опять, какъ въ годы золотые)	279
Русь моя, жизнь моя, вмѣстѣ ль	284
Свирѣль запѣла на мосту	171
Сегодня ты на тройкѣ звонкой	209
Сердитый взоръ безцвѣтныхъ глазъ	249
Синеокая, Богъ тебя создалъ	197
Сиена (Въ лонѣ площади пологой)	122
Сиенскій соборъ (Когда страшишься)	123
Сквозь сѣрый дымъ отъ краю и до краю	214
Слабѣтъ жизни гулъ упорный	112
Смычекъ запѣлъ	230
Сны (И пора уснуть, да жалко)	291
Соловьиный садъ	257
Сонъ (Я видѣлъ сонъ: мы въ древнемъ склепѣ)	145
Среди поклонниковъ Карменъ	248
Старинныя розы несу, одинокъ	184
Старый, старый сонъ (Пляски смерти)	40
Страстью длинной, безмятежной	116
Строенъ твой станъ (Дѣвушка изъ Spoleto)	110
Стучить топоръ (Фьезоле)	121
Сусальный ангелъ (На разукрашенную)	144
Съ дѣтскихъ лѣтъ (Благовѣщеніе)	127
Съ мирнымъ счастьемъ покончены счеы	23
Съ ней уходилъ я въ море	111
Сѣдое утро (Утрѣтъ. Съ Богомъ)	220
Сѣдыя сумерки легли	24
Та жизнь прошла	233
Такъ. Буря этихъ лѣтъ прошла	100
Тамъ неба освѣтленный край	289
То не ели, не тонкія ели (Посѣщеніе)	287
Три посланія	175
Тропами тайными, ночными	95
Тяжкій, плотный занавѣсъ (Шаги Командора)	84
Ты — буйный зовъ роговъ призывныхъ	227
Ты въ комнатѣ одинъ сидишь	80
Ты говоришь, что я дремлю	224
Ты жилъ одинъ. Друзей ты не искалъ	231
Ты, какъ отзвукъ забытаго гимна	252
Ты намъ грозишь (Комета)	146
Ты отошла, и я въ пустынѣ	269

	Стр.
ты помнишь? Въ нашей бухтѣ сонной	147
Ты такъ свѣтла, какъ снѣгъ невинный	141
Ты твердишь, что я холоденъ, замкнуть и сухъ	167
Уже надъ моремъ вечерѣтъ	185
Уже померкла ясность взора	198
Ужъ вечеръ свѣтлой полосой	193
Умри, Флоренція, Иуда	115
Униженіе (Въ черныхъ сучьяхъ)	32
Упоительно встать (Утро въ Москвѣ)	200
Усните блаженно, заморскіе гости	180
Успеніе (Ея спеленутое тѣло)	129
Утро въ Москвѣ (Упоительно встать)	200
Утрѣтъ. Съ Богомъ (Сѣдое утро)	220
Флоренція	115
Флоренція, ты ирись нѣжный	116
Фъезоле (Стучить топоръ)	121
Холодный вѣтеръ отъ лагуны	111
Художникъ (Въ жаркое лѣто)	156
Часовая стрѣлка близится къ полночи	183
Черезъ двѣнадцать лѣтъ	195
Черная кровь	57
Черный воронъ въ сумракѣ снѣжномъ	175
Черта за кругомъ (Коршунъ)	306
Что же ты потушилась (Передъ судомъ)	162
Чѣмъ больше хочешь отдохнуть	83
Шаги Командора (Тяжкій, плотный занавѣсъ)	84
Шаръ раскаленный, золотой	213
Эпитафія (Здѣсь я покоюсь, Филиппъ)	130
Юрію Верховскому (Дождь мелкій)	149
Я видѣлъ сонъ: мы въ древнемъ (Сонъ)	145
Я вижу блескъ, забытый мной	223
Я — Гамлетъ. Холодѣтъ кровь	99
Я гляжу на тебя. Каждый демонъ во мнѣ	57
Я ее побѣдилъ, наконецъ	60
Я коротаю жизнь мою	29
Я ломаю слоистыя скалы	259
Я не звалъ тебя, сама ты	187
Я не предалъ бѣлое знамя	302
Я пригвожденъ къ трактирной стойкѣ	181
Я сегодня не помню, что было вчера	73
Я — только рыцарь и поэтъ (Встрѣчной)	177
Я ухо приложилъ къ землѣ	94

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

*

Цвѣтная обложка
работы
Н. Д. Милліоти

